

ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА

БЕЗ ПРАВА НА НАГРАДУ

Ольга Елисеева

Во славу Отечества

Ольга Елисеева
Без права на награду

«ВЕЧЕ»

2013

Елисеева О. И.

Без права на награду / О. И. Елисеева — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Во славу Отечества)

ISBN 978-5-4444-7533-1

Кровавая гроза 1812 года. В России созданы первые партизанские отряды – летучие корпуса – общевойсковые соединения, действующие по тылам врага. Авангардом одного из них командует генерал-майор Бенкендорф. Перед нами проходят страшные картины отступления, пожара Москвы, чудовищного бегства Наполеона, Заграничного похода русской армии. Молодому генералу предстоит стать комендантом разоренной столицы, с небольшим казачьим разъездом освободить Голландию, пройти до Парижа и, наконец, закрыть последнюю страницу давнего и мучительного романа с французской актрисой Жорж. Но и после войны генерал Бенкендорф не успокаивается. Уже став командиром дивизии, а затем – Гвардейского корпуса в Петербурге, он расследует убийство помещиком своих дворовых, женится, пытается предотвратить бунт Семеновского полка и постепенно находит свое место в противостоянии двух наследников на российский престол.

ISBN 978-5-4444-7533-1

© Елисеева О. И., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Часть I. Партизанский дневник	6
Пролог	6
Глава 1. Утопленница	8
Глава 2. Тетушки	24
Глава 3. Хозяева Чистых вод	42
Глава 4. «Горячи наши блины»	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ольга Елисеева

Без права на награду

© Елисеева О.И., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2014

Сайт издательства www.veche.ru

Часть I. Партизанский дневник

Пролог

Июнь 1812 года. Западные губернии.

Государь отпустил его легко. Улыбался, шурил подслеповатые глаза, хвалил за исполнительность. Но не звал с собой в Москву, где намеревался «энергичным, исполненным веры в победу манифестом возбудить энтузиазм жителей».

Спору нет, Александр Христофорович и сам бы не покинул сейчас армию. Но была бы честь предложена. А ее стоило предложить. Ведь без таких, как он, разорванные на части русские войска едва ли соединились бы под Смоленском¹. И Бенкендорф заслужил, если не новую полосатую ленточку, то хоть упоминание в приказе. Но кто же благодарит курьеров? Живы – и слава Богу! Голова на месте, сумка на боку – скачи, пока не подстрелят.

Они и скакали. Но прежде...

Все помнили комету. Небывалую жару. Горящие леса и нивы. Целые деревни проваливались под землю, в которой истлевал вонючим дымком торф. Говорили, будто у француза тоже беда: такой урожай красного винограда, какой крестьянам ни снять, ни выжать. Струйки из давилен текли по земле – к большой крови.

Полковник Федор Глинка² описал синюшную тучу над Неманом, мол, гроза, гроза!

Шурка ничего этого не видел. Он до последнего топтался в свите. Но флигель-адъютантами не дорожили и, когда в декабре одиннадцатого, посередь мороза, запылал Аничков дворец, зачем-то послали в оцепление. Загнали с полковником де Сен-При аж на чердак. Хороша служба! Погорели бы оба. А ведь разумные командиры, не без опыта, не без наград. Кому и зачем понадобилось ими жертвовать?

Бенкендорф давно перестал интересоваться смыслом распоряжений, доискиваться логики, тем паче – требовать объяснений. У кого? У государя?

Это по молодости, по глупости хочется понять. А потом наступает отупление, полное равнодушие. И чем больше знаешь, чем больше видел, тем оно шире и всеохватнее.

Когда балки стали падать, адъютанты пробились к двери. Сен-При еще шутил – француз. Выскочили на белый снег. Лестница уже оседала, а в дверные проемы хлестало пламя, подгоняемое ветром. Из распахнутых окон второго этажа выбрасывали целиковые зеркала. Осколки разлетались картечью, и де Сен-При задело руку.

Тут прибыл Его Величество, ужаснулся нелепости происходящего, приказал выводить всех, кто еще остался. Имелись и задохнувшиеся в дыму – не смели покинуть пост.

Бенкендорф перетянул товарищу руку носовым платком, и оба поехали обедать. Провели вечер за бутылкой красного, забыли о печалях. Но в ту же ночь Александр Христофорович написал другу Воронцову: «Мне тошно. Винить, кроме себя, некого. Урок, данный

¹ Силы Российской империи были разъединены, противостоя не только наполеоновскому вторжению, но и возможной агрессии со стороны Турции и Швеции. Первая армия под командованием М.Б. Барклая-де-Толли находилась в районе Вильно и, по самым высоким подсчетам, имела 127 тыс. чел. Сначала планировалось, что именно она закроет Петербург и северное направление, отделяя, если надо, корпуса против Швеции. Вторая армия, подчиненная П.И. Багратиону, имела около 40 тыс. чел. и располагалась под Волковыском, защищая московское направление. Третья – генерала А.П. Тормасова (43 тыс. чел.) еще формировалась под Луцком. Ее задача состояла в защите от Турции, если та решит возобновить боевые действия. Далеко на юге границу с этим беспокойным соседом удерживали 50 тыс. адмирала П.В. Чичагова, именовавшиеся Дунайской армией. Реально удар Франции приняли Первая и Вторая армии Барклая и Багратиона.

² Глинка Федор Николаевич (1786–1880). В 1812 г. – поручик Апшеронского пехотного полка, адъютант А.М. Милорадовича. Поэт, публицист. После войны редактор «Военного журнала», автор «Писем русского офицера» и «Очерков Бородинского сражения». Член Северного общества декабристов.

судьбой, жесток, но полезен. Разговоры о моей женитьбе больше не будоражат общество³. Надеюсь, на сей раз молодость покинула меня безвозвратно».

Ждал ли он войны? Конечно. Но не думал о ней. И даже пожар во дворце не назвал великим предвестьем. Спаслись же! Стало быть, пронесет.

Не всех.

Ибо чаша уже была налита красной французской бурдой пополам с мерзлыми водами Немана, и держала ее Блудница верхом на Звере, кометой мчавшемся по небу.

³ Речь о трагическом увлечении знаменитой французской актрисой Жорж, которую А.Х. Бенкендорф похитил из Парижа и на которой собирался жениться. Этой истории посвящена предыдущая книга «Личный враг Бонапарта».

Глава 1. Утопленница

Январь 1817 года. Харьков.

Утро было ясным. Накануне валил снег, а сегодня белое холодное солнце сверкало на выстуженном, блекло-голубом небе. Легкий дымок от сдуваемой с сугробов пыли кружил в воздухе. Ударяя в него, свет искрил всеми цветами радуги, как если бы зеркало разбили на тысячи осколков и пустили по воздуху. Береги глаза!

Народу на катании собралось, почитай, весь город. Шубы, салопы, купеческие шали в цветах, меховые капоры и самые изысканные шляпки парижского образца, по-домашнему подбитые ватой. Бенкендорф одернул себя: он смотрел только на дам, а вернее, искал одну из них, в то время как ему строила «куры» добрая дюжина встреченных на балу в Благородном собрании голубок.

В прежние времена... Да, в прежние времена он не преминул бы отметить каждую в анналах сердца и мысленно составить список: с кем, когда, где и как предпочтительнее было бы встретиться. Теперь его интересовала одна интрига. Одна женщина. Одно *где и как*.

Постарел? Устал? Остепенился?

Какие еще слова подходят для определения заветного возраста, когда все болит, вспомнить, кроме затяжного похмелья, не о чем, и охватывает острая ненависть к казенным квартирам?

Если госпожа Бибикова⁴ его сейчас же не подберет, он пропал. Совершенно пропал!

Картина будущей гибели представлялась в подробностях. Перестанет отвечать на письма. Бросит следить за интендантами. И сопьется. А что еще делать в Гадяче? Ведь его не вернут в столицу. Государь не хочет. Даже в Киев. Даже в Харьков. Торчи под Полтавой, карауль новых шведов!

Ни книг, ни театров. Грязь, дичь, всякого рода пошлости. Уже друг Воронцов писал из Парижа: «Скажи, ради Бога, в каком обществе ты вращаешься? Ты делаешь ошибки по-французски». Эта наглость так разозлила Александра Христофоровича, что он сказал все, что накипело. «Общество? В Гадяче? Да ты смеешься!» И присовокупил несколько слов, записанных латиницей, но имевших русские корни. Ну да Миша простит. Поймет, что с налитых глаз.

Нет, госпожа Бибикова была необходима. И лучше, что с двумя детьми. Жестче рамки...

Наконец он ее заметил. Лисья шуба, крытая сверху синим рытым бархатом. Поверх шляпки белая пуховая шаль. Щеки – яблоки. Так бы и хрупнул с мороза! А рядом две куклешки. Их опять накутали – не повернуться. Забавные шарики перекачивались возле матери. Вокруг слуги, родня и, наконец, сама величественная Мария Дмитриевна Дунина приехала кататься на санях.

День как нельзя более подходил для этого. Горки с крутого берега тянулись длинными замерзшими языками к самой воде. Лед на реке был тоже расчищен, и по нему летали дрожки. Если бы генерал просто мечтал украсть приглянувшуюся даму, как полагала достойная тетушка, лучшего случая не придумать! Подкатить в санях, запряженных резвым скакуном. Подхватить зазевавшуюся на спуске с горы. Ищи-свищи, поминай, как звали!

После такого позорища отдадут и благословят. Только бы посватался.

Но это ли поступок для дивизионного генерала? Это ли репутация для его жены?

⁴ Бибикова Елизавета Андреевна (1788–1857), урожденная Донец-Захаржевская. Вдова генерала П.Г. Бибикова, будущая жена А.Х. Бенкендорфа. После войны проживала под Харьковом, где и была встречена командиром дивизии, дислоцированной в Гадяче возле Полтавы. Имела двоих дочерей. Браку с ней противилась тетка и покровительница вдовы – М.Д. Дунина. Начало романа Бенкендорфа с Бибиковой описано в книге «Личный враг Бонапарта».

Раньше подобные вопросы не волновали. Черт бы побрал теперешнюю рассудительность!

Однако ей быть госпожой генеральшей и стоять во главе дивизионного общества, к ней станут ходить полковые и бригадные дамы за советом, у нее спрашивать о перспективах мужей, а не о способах засолки капусты. Ее прошлое должно быть безупречно.

– Позвольте предложить вам свою помощь!

Александр Христофорович оказался за спиной Елизаветы Андреевны, которая придиричиво выбирала сани. Высокие, с изогнутыми деревянными полозьями, обитыми железом, с фигурой лебедя на носу, крылья которого обнимали с двух сторон кресла. Вперед садилась женщина, сзади по старинке вскакивал кавалер и, разогнав лодочку, сталкивал ее с горы. Править на облитом водой склоне было трудно. То ли дело в Петербурге, где предпочитали летать по снегу. Ледяной желоб – верный способ свернуть шею...

Смерть под полозьями в его расчеты не входила.

– Вы уже выбрали спутника?

Услышав его голос, Елизавета Андреевна вздрогнула и мигом обернулась. На ее испуганном лице, помимо воли, расцвела улыбка.

– Это вы? Я думала, вы больше... Как хорошо, что вы не обиделись!

«Обиделся. Но не на вас».

– Подтолкнуть?

Она закивала и подхватила девчонок подмышки.

– Только я... не одна... Думаете, мы уместимся?

«Хорошо бы по очереди, – усмехнулся генерал. – Мне и вам есть что сказать. Наедине».

Но раз уж госпожа Бибилова не расцеплялась с крошками, следовало принимать женщину как есть – заметно размножившуюся.

– Садитесь! – просипел Шурка, уже зацепив краем глаза грозную Марию Дмитриевну, озирающуюся вокруг себя в поисках племянницы. – Да садитесь же! Я вас не уроню!

Нет. Он был на высоте. Развернул сани, оттолкнулся ногой от снега, вырулил на гребень холма и, прежде чем Дунина, разглядев, наконец, угрозу, успела взвыть, исчез из глаз тетюшки за ледяным надолбом на вершине горки.

Ах, ах, ах! Как они понеслись! Скорость – лучшее на свете! Считала ли так Елизавета Андреевна? Непонятно. У девчонок от страха перехватило дыхание, и они очнулись только на середине горы, когда самое страшное – позади и можно визжать вволю. А вот их мать, вместо того чтобы сжаться, откинулась назад, ближе к нему. Шурка немедленно оценил. Наклонился над меховой шапочкой с пером и зашептал сбивчиво и быстро:

– Я прочитал. Я что-нибудь придумаю. Не бойтесь. Ваша тетя...

В-ж-жик. Сани уже были внизу. Он успел только прикусить трепещущее перышко на ее шапке. И от этого прийти в состояние нетерпеливого восторга.

Оба предпочли бы еще пару-тройку спусков с горы. Генерал бы тогда успел чмокнуть даму в темя – через мех – и ощутить на губах гладкое, чуть колючее тепло шапки. А потом зарыться носом в белую, окутывающую горло шаль и, если повезет, добраться до кожи. Но Шурке пришлось пережить пленительные картины только в воображении.

Потому что мадам Дунина не поленилась лично спуститься вниз в санях, управляемых каким-то незнакомым Бенкендорфу господином в бобровой шубе и такой же шапке, плотно закрывавшей уши.

– Молодой человек! – Иерихонская труба! – Разве я позволила вам катать мою племянницу?!

Александру Христофоровичу трудно было сделать виноватое лицо, когда от уха до уха расплывалась довольная улыбка. Но обескураженное выражение далось легко.

– Я полагал, на горе... при выборе саней... не имеет значения...

Но Дунина не купилась на простодушие.

– Вы думаете, будто мне все равно, кто управляет санями моей племянницы? Почему не разбойник? Не грабитель из муромских лесов?

– Матант...

Тетушка повернулась к госпоже Бибиковой. На этот раз ее лицо не смягчилось.

– Я уже говорила тебе, Лиза... И я запрещаю. Почему ты не избираешь предметом внимания достойных людей? – При этих словах Дунина бросила короткий взгляд на привезшего ее господина.

«Возможно, потому, что их избираете вы». Эта колкость вертелась на языке Бенкендорфа. Он разглядывал «бобра» с неприкрытой враждебностью. Тот казался плотен и свеж, точно сию минуту вынырнул из запруды. И едва не бил по снегу хвостом от удовольствия видеть достойнейшую Елизавету Андреевну.

– Господин Шидловский, – обратилась к нему Дунина. – Будь ласка, проводи мою племянницу с детьми на гору.

Она уже обернулась к Александру Христофоровичу, чтобы привычно отчитать его. Но в этот момент от реки раздался истошный крик: «Утопла!» Потом шум и отдельные возгласы:

– Тяни! Да тяни же!

– Багром ее!

Разом все, бывшие возле горки, повернули головы в сторону Лопани. За ее снежным берегом с рыжей, торчавшей из сугробов травой, не сразу можно было рассмотреть полынью.

Длинная вымоина шла от мостков, где по утрам бабы стирали белье, едва ли не до другого берега. При нынешнем морозе она не представляла опасности: лед в руку толщиной. Нужно было, чтобы кто-то сам выбрал место поглубже и сиганул с берега.

Зеваки поспешили туда. Бенкендорф вынужденно поклонился тетушке и присоединился к толпе, не дожидаясь, пока ему снова укажут на нарушение приличий. Мария Дмитриевна открыла было рот, желая остановить наглеца: с ней отродясь никто так не разговаривал! Он не ждал, пока его отпустят, не выпрашивал прощального ласкового слова. Госпожа Дунина негодовала. И, хотя Александр Христофорович мысленно поздравил себя с тем, что отплатил невежливостью за пережитое унижение, хвалиться было нечем. Генерал только еще больше обострил отношения с потенциальной родственницей.

Между тем у полыньи собрался народ. Утопшую зацепили багром за толстую шерстяную поневу, которая, к счастью, не развязалась, и выволокли тело на лед. Любопытным глазам предстала девка лет шестнадцати, впрочем, здесь рано взрослеют. Черную косу без ленты размыла вода, валенки соскользнули с ног и остались в полынье. Возле трупа топтался квартальный надзиратель, явно не понимая, что делать при таком стечении публики. «За дрожками послал», – сипло сообщил он скатившемуся прямо под ноги полицмейстеру, который, как все в этот день, не пренебрегал горкой. Через минуту к ним присоединился председатель Уголовной палаты, и втроем они уже начали судить да рядить, откуда бы на их голову такая напасть? Да еще в светлый праздник?

– Да это Орыська! – послышался чей-то голос. – Горничная ее светлости госпожи Дуниной.

«Тоже мне светлость!» – рассердился Бенкендорф. Но в здешних местах Марию Дмитриевну почитали едва ли не матерью-прародительницей. Хорошо быть богачом в провинции! Заставлять целый околоток плясать под твою дуду. «Ну что, голубушка, каково теперь-то, у всех на глазах? Ведь твоя, не чья-нибудь горничная наложила на себя руки! И каждый задается вопросом: уж не барыня ли виновата?»

Бенкендорф посмотрел на тетушку, которая, как громом пораженная, продолжала стоять на месте, а перед ней уже расступался народ, образуя длинную аллею по обе стороны мокрой дорожки, по которой тащили из полыньи труп.

– Орыся... – только и могла выговорить бывшая фрейлина. – Орыся...

Она тяжело и неуверенно двинулась вперед. Наклонилась над телом. Стянула с головы шапку и машинально обтерла покойной лицо.

– Как же так? – Мария Дмитриевна подняла взгляд на полицмейстера и председателя Уголовной палаты. Вся ее повелительность мигом слетела. – Как же так...

Те отводили взгляды. Потом полицмейстер взял госпожу Дунину под руку и отвел в сторону.

– Мария Дмитриевна, – заговорил он почти шепотом, но тишина стояла такая, что каждое его слово оказалось услышанным. – Мы, конечно, не выносим сор из избы. И если бы в другом месте, не при народе... мы бы отдали вам тело, да и дело с концом. Но вы сами видите...

Смысл его слов не сразу дошел до фрейлины.

– Как отдали? – переспросила она. – Вы что же думаете... Да мне не надобно вашего попустительства! Орыся прыгнула в воду! Бога не побоялась! Где ж я сведаю, отчего, коли вы отступитесь?

Она беспомощно озиралась кругом. А на нее смотрели понимающе, даже с жалостью. Вот девка-дура! Не могла тихомолком удаваться! Нет, у всех на виду! Теперь станут барыню тягать по присутственным местам. Суд – не суд, а позорища не оберешься.

– Тетя, – из-за спин собравшихся пробилась госпожа Бибикова с вечно прицепленными к подолу куклешками. – Тетя, пойдемте. Не надо смотреть. – Она подхватила Дунину под руки.

– Как не смотреть, голуба? Живой человек. Мой. Я отвечаю...

Бенкендорфу стало жаль двух испуганных женщин, которые толком не могли никому ничего объяснить, потому что и сами ничего не понимали.

– Господа, – он подошел к председателю Уголовной палаты. Ему сразу поклонились. Чин чина почитай. – Хозяйка заявляет, что ей неизвестна причина смерти горничной, и просит формального расследования. По законам. Я верно излагаю? – Он обернулся к старой фрейлине, которая еще не обрела дара речи. Та замедленно кивнула, ее недоверчивый взгляд следил за ним, но было понятно, что помещица скорее угадывает сказанное, чем слышит. Происходящее подавило ее.

– Ваше высокопревосходительство, – понизив голос, заговорил полицмейстер. – Здесь у нас не столица. Не Москва даже. Крепостной человек в воле своего господина. Он ему и суд, и расправа. Если мы станем мешаться в такие дела...

«На своих местах не усидим», – мысленно договорил Александр Христофорович.

«Кровью умоемся», – хотел бы вставить полицмейстер. Так, с виду он был дядька добрый. Коренастый, с пшеничными усами. Хохол хохлом, а фамилия русская – Маслов.

– Но по формальной просьбе владельца, наверное, можно? – настойчиво повторил генерал. – Вы видите, что Мария Дмитриевна желала бы дознаться правды.

– Правды... дознаться, – эхом повторила хозяйка. Она наконец пришла в себя. – Мою девку в пролубь окунули, а вы и доследовать не хотите? Честь вам и хвала, господа хорошие! Все трое за моим столом кушали, а как помочь, так в кусты? – Она испытующе уставилась на «приказных», которые начали неудобно топтаться и переглядываться. – Еще весь город будет думать, будто мне – честной вдове – есть что скрывать! – Мария Дмитриевна повернулась к Бенкендорфу. – Ты... Можешь у нас бывать. – И снова, полоснув глазами губернские чины, бросила: – У одного язык к гортани не прилип. Заступился за почтенное семейство. Зараз бачил, шо не мий грех.

После чего госпожа Дунина, выпрямившись и опершись на руку Елизаветы Андреевны, зашагала к своим саням.

– Черт, а не баба, – проговорил полицмейстер. – И вы тоже, зачем встряли?

Генерал пожал плечами.

– С одного взгляда видно, что она тут ни при чем. Ее саму, как ядром, подкосило. А ваше молчание и перешептывание, господа, подало повод к нелестным заключениям толпы о возможной виновности барыни. Можно ли так компрометировать важную особу? Если бы тело без суда увезли к ней в усадьбу, весь город стал бы судачить про новую Салтычиху.

Председатель Уголовной палаты вытер аккуратно сложенным платком нос.

– Вы человек новый. Здешних обычаев не знаете. У нас наезды помещиков друг на друга еще случаются. Дерутся меж собой, холопов по двадцать могут угробить. Дома жгут, мельницы рушат. Полоны, как татары, прости Господи, угоняют. Что девка? Потопилась, и Бог бы с ней. Может, понесла от кого. Может, барыня ее домой на праздник не пускала. Не надо бы вам в это дело...

«Формально, по закону вы правы, – читалось на лице председателя. – Но вы приехали и уехали, а нам тут жить». Он был тощий, сухой, как щепка для лучины, и носил фамилию фон Мюнстер, представляя не первое поколение остзейцев, приглядывавших за порядками в Харькове. Свою должность, как и поместье, Мюнстер унаследовал от отца, в чем имелась очевидная выгода: уголовную паству председатель знал как никто. И потому Бенкендорф, хотя нашел бы возражения, молчал и слушал.

– Простите меня, – протянул он наконец. – Не мое дело. Но если горничную на Рождество не пустили домой, она прыг из окошка и в родную деревню к батюшке. Что касается понесла, – генерал подошел к трупу, который квартальный уже уложил на дрожки. Откинул овчину, мокрую рубашку – тело еще хранило остатки тепла – и с силой провел большим пальцем по уже прихваченному льдом соску несчастной. Вокруг немедленно образовался розоватый ореол, который стал гаснуть на морозе. – Девка. Что вам подтвердит и хирург при вскрытии.

Квартальный кивнул. Мол, да, точно, девка.

– А теперь скажите мне, господа, зачем сия Орыся, – Александр Христофорович запахнул обратно овчину, – вздумала кидаться в прорубь на праздник? У всех на глазах? В людном месте?

– Я б еще понял в Пост, – пробасил квартальный. – С недокорму всякое в голову лезет. Опять же беси. Искушают, значит.

На него посмотрели сердито, и он заткнулся: нечего встревать в разговор вышестоящих.

Между тем вопрос остался без ответа.

– Могу предположить только, – вздохнул генерал, – что госпожу Дунину хотели ославить. Перед всем городом. А вы своим очевидным желанием замять дело только подлили масла в огонь: де есть люди, которым все дозволено.

В этот момент к нему с горки сбежала старшая из девочек госпожи Бибиковой – Катя. Ее явно послали от саней и ждали обратно.

– Бабушка велела передать, что ждет вас на Крещение. В Старых Водолагах. Будет большой съезд.

«Если бы ты мне сказала, что твоя мама меня ждет...»

Катя сдернула рукавички и поманила его пальцем. Александр Христофорович нагнулся.

– Ты нас еще покатаешь? Там горки у-у-х!

И, сооротив лукавую рожицу, побежала назад, точно отказ не подразумевался.

Авентюра⁵ первая. Курьеры

Каждый верстовой столб, приближавший нас к столице, печалил нас и солдат. Удрученные скорбью, мы предавали наши губернии и их великодушное население неприятельскому разорению.

А.Х. Бенкендорф. «Записки»

Июнь 1812 года. Западные губернии.

Все вспоминали морозы и даже винили их в гибели французской армии. Как если бы та шла по безлюдной земле!

Шурка отличился: запомнил жару. Адскую. Не перемежавшуюся даже ливнями. Говорили, неприятель в день теряет человек по шестьсот только на марше. Ветераны утешали молодых, де в Египте было жарче... Слабое ободрение!

Один пленный капитан, вестфалец по происхождению, попался казачьему разъезду очень странным образом: сидел на пригорке, в окружении спящих вповалку пехотинцев и слабо подсакивал, пытаясь призвать их к порядку.

– Marshiren, – повторял он. – Marshiren!

И сам командир, и его люди были мертвецки пьяны. Оказалось, они напали на брошенный провиантский склад. Увидели бочки с водкой. Решили применить ее для поддержания сил в походе, как поступали французы с вином. А не перед боем, как делали русские. Пехотинцев развезло. Сначала они побросали ранцы, потом улеглись и сами. Солнце припекало...

Пленных можно было переколоть, что казаки проделывали без душевных мук. Но уж больно смешными казались враги. Их повязали и отправили в штаб. К счастью, для бедолаг. В конце концов спасались именно первые партии, которых допрашивали и высылали в тыл. Позже о караванах мародеров и шаромыжников заботились иначе...

А пока испуг был слишком велик. В границы вползала пятисоттысячная армия, и еще никто не знал, что численность станет ее ахиллесовой пятой. Пока... оглядывались на себя и всюду находили некомплект. Ужасались, как нас мало⁶. Двести тысяч? Откуда? Полторы сотни бы набралось!

Помахайся плетью с обухом.

Войска уходили все дальше на восток. В поисках вымышленной позиции. Удобной для решающего боя. Ее не было и быть не могло. Страна-то равнинная. Многие уже поговаривали, что европейской военной наукой их только травили: нет у нас ни гор, ни настоящих холмов с оврагами, одни ополья в перелесках. Где драться будем?

Но начальство, по-видимому, драться не собиралось. Бравый план Багратиона, о котором ненароком знала вся армия – выдвинуться в Польшу и напасть первыми, помешав развертыванию противника – малой кровью на чужой территории – был пущен коту под хвост. Удивительным образом о нем же знали и французы. И действовали на первых порах сообразно с «русским наступлением».

А русские бежали.

Что не укладывалось в голове. И прежде чем уложилось, обе армии откатились до Смоленска. Успели. Не позволив Бонапарту вклиниться между ними.

⁵ Авентюра – название главы в средневековом рыцарском романе.

⁶ В начале кампании против России Наполеон располагал армией в 614 тыс. чел. Из них Неман перешло около 448 тыс. солдат. Если бы русская армия собрала все силы в кулак, у нее было бы примерно 227 тыс. Но реально удар приняли Первая и Вторая армии, которые вместе имели примерно 166–167 тыс. При таком численном соотношении выиграть кампанию можно было только маневрами, заманивая неприятеля в глубь страны, применяя т. н. «скифскую войну» и ожидая, пока его силы распылятся. По подсчетам французских историков, до Витебска дошло не более 255 тыс. чел.

С первой минуты Бенкендорф ездил курьером. Мотался, как маятник, между двумя армиями, шедшими в расходящихся направлениях. Служил глазами и ушами. Пока государь пребывал со штабом, его флигель-адъютантов гоняли вместе с остальными. Отказаться не было ни причин, ни даже помыслов.

Шурке везло. Он всегда проскакивал. Это дивное счастье могло бы войти в поговорку, если бы контингент вестовых за убылью не менялся почти ежедневно.

Угнетала неизвестность. Багратион топтался в Слониме, не зная, куда двинуть войска: на Бонапарта или от него. Что будет делать Главная армия? А по сему сразу несколько адъютантов поскакали разными дорогами. Бенкендорфу выпала через Сморгонь и Новогрудок.

Он сделал ходку в 250 верст. И влетел в город на вспененном коне, мокрый, как мышь, не только от скачки, но и от страха. Сморгоньский лес горел. Через него, напирая друг на друга, двигались фуры с боеприпасами. Не иначе ангел-хранитель пронес на крыльях.

У штабной избы праздно толпились адъютанты командующего. Шурка хотел сообщить им что-нибудь обидное. Но понял, что насадил голос. Из легких с болью вырывался один хрип. Кто-то из старых офицеров, поняв, что с курьером, вынес ему воды.

– Пакеты есть?

Бенкендорф замотал головой. Все приказания устно.

– Значит, пей, – наставительно проговорил штабной и повел Бенкендорфа в сени.

Его сразу впустили к командующему. Встреча не была приятной, памятуя об отношениях на Дунае⁷. Но князь зла не держал. Он нервничал и метался по избе. Язвил. И принял курьера как манну небесную. Подхватил под белые руки. Уронил на лавку, разрешил сидеть.

– Что? Что? Где?

Александр Христофорович перевел дыхание. Ему положено было рапортовать. Но он выплевывал из себя с гарью обрывки сведений:

– Государь приказал двигаться к Дрисскому лагерю⁸.

Цепь неразборчивых ругательств. Часть не по-русски.

– Его Величество отправил к Бонапарту генерала Балашова. Но корсиканец сказал, что ему дали дойти до Вильны. Где он и останется, потому что прекрасно себя чувствует в наших границах.

– А зачем, зачем, зачем было отправлять Балашова? – взвился Багратион, как если бы курьер нес ответственность за нерешительность императора.

– Думаю, что Его Величество, следуя своему принципу умеренности и скромности, не хотел дать подданным повод хоть в чем-то его упрекнуть...

Командующий посмотрел на флигель-адъютанта с жалостью: вы сами-то поняли, что сказали? И тот замолчал.

– Ладно. Не мое дело судить государей. Тем более не ваше, – отрезал князь Петр. – Как вы проехали?

Бенкендорф изъяснил. Кустистые брови командующего поползли вверх. Новогрудок был уже занят.

– Я по самой кромочке, а там через лес.

Лес, как известно, горел.

⁷ В 1809 г., командуя армией против турок на Дунае, П.И. Багратион несколько раз круто обошелся с полковником Бенкендорфом, считая того участником придворной интриги, в результате которой возлюбленная Багратиона – великая княгиня Екатерина Павловна, сестра императора Александра I, должна была выйти замуж за Наполеона Бонапарта и тем скрепить союзнические отношения России и Франции. История описана в книге «Личный враг Бонапарта».

⁸ Помимо наступательного плана Багратиона имелся и оборонительный, автором которого считали прусского генерала Фуля. Предполагалось сконцентрировать большую часть армии в укрепленном лагере у города Дрисса на Западной Двине, чтобы дать приграничное сражение.

– Милый ты мой! – Багратион обнял флигель-адъютанта. – На карте начертить означенный государем маршрут сможешь?

Бенкендорф чертил с тринадцати лет. Император Павел Петрович очень уважал фортификацию.

Когда вся вложенная полковнику в голову информация, излилась на лист, Шурка не без робости осведомился:

– Кроме меня было послано еще четыре курьера. Они добрались?

Багратион стал красным, точно сам проглотил вестовых.

– Вы один.

То была минута прозрения. Для обоих.

Князь помялся, соображая, стоит ли собеседник человеческого обхождения. Но обстоятельства были чрезвычайными.

– Вы не держите на меня зла. За то. За Дунай. За старое.

Чего уж там. Завтра все померем. Курьер кивнул и поклонился. Не отдал четь, не шелкнул каблуками, а именно поклонился. Нужно же было как-то выделить эту часть разговора. Отвечать же гласно на такие слова он не смел. Не по чину.

– Можете оставить лошадь здесь, – распорядился командующий, когда курьер уже уходил. – Пусть отдохнет. На конюшне вам дадут лучшую.

Шурка был бы рад часа полтора отлежаться где-нибудь в тенечке. Но следовало немедленно возвращаться. Со скрежетом зубовным хозяин отдал жеребца Луи в руки конюхов, говоря себе: скотина – не человек, двойной маршрут не осилит.

А сам на одном кураже взметнулся в седло. И поехал – на честном же слове. Ему пришлось сделать большой крюк, поскольку вражеские партии, ведомые поляками, уже шли к Сморгани. А на Минск маршевым шагом двигались французы.

Он опять проскочил. Храни Бог казаков, научивших его и есть, и спать, и справлять нужду в седле. Лошадь действительно попалась двужилъная. Уезжая, Шурка не спросил, как ее зовут, и в дороге пристрастился кликать Бонапартом – чтобы не жалеть. Уже прискакав в Видзы, где очутилась главная квартира, осознал – кобыла, при чем жерёбая. Как он, кавалерист, несколько часов проведя в седле, мог этого не понять? Чем была занята его голова?

– Будет Жозефина. – сообщил полковник принявшему лошадь унтеру Потапычу. – Отправь в обоз.

– Да обоза-то нынче не доискаться, – возразил тот, с жалостью оглаживая тяжело ходившие бока кобылы.

– Скоро ей?

– Пару месяцев поездите. И в табун. Если табуны к тому времени останутся.

Сам полковник воспринял случившееся как добрый знак. Ему подарили не одну лошадь, а двух – он еще покатается.

Доложившись, Александр Христофорович хотел рухнуть. Где угодно. Лучше под крышей. Но император смотрел ласково и требовательно.

– Новые курьеры уже отправлены. Но я боюсь за них...

«Вернее за сведения». С первого же дня войны у флигель-адъютанта появилось непреодолимое желание подъялдыкивать. Хотя бы мысленно. Хорошо, что рот держал на замке.

– На Вторую армию движется корпус короля Вестфальского Жерома Бонапарта. Сам он ничто. Но при нем корпус – Даву. А при корпусе – маршал.

А интересно было бы сейчас встретить старого знакомого⁹. «Весь маршалат против!» Шурка не сомневался, что эти революционные выкормыши совсем не горели желанием тащиться в новый поход. Но что такое их совокупная воля против воли Бонапарта?

⁹ Во время пребывания в Париже в 1807–1808 гг. Бенкендорф был знаком с маршалом Даву и получил от него сведения,

– Поедете? – с вкрадчивой нежностью спросил государь.
«Куда я денусь?»

Он поехал, клятвенно пообещав себе не слишком торопиться. Но, не добравшись до Минска, увидел на дороге труп одного из вестовых. Спешиваться не имело смысла – лужа крови растеклась от бровки до бровки. Одним ударом и человека, и лошадь. Били через поле. Неужели уже и артиллерия? Полковник огляделся по сторонам. Никого не увидел и прищипнул кобылу.

Жозефина перескочила кровищу. Девочка. Чистюля. Копыт пачкать не захотела. А ума – палата. Сама забирала к лесу. Увидала мертвечину, не испугалась, а насторожилась. Шла мягко, хоть и быстро. Берегла себя, детеныша, всадника.

На подступах к городу курьер чуть не врезался в телеги и экипажи губернского правления, спасавшегося бегством. Сдутые ветром бумаги из какой-то развязавшейся папки покрывали дорогу.

– Стой! Стой! – закричали ему. – Французы уже в предместьях!

А то он не знал! Но другой дороги нет. И если дуть по окраинам...

Позднее французский артиллеристский капитан объяснялся в штабе:

– Мы вообще не поняли, что это. Человек или ядро? На такой скорости люди не ездят. Какая мишень стрелять? В одну минуту скрылся!

Если бы Шурка знал, что тогда его упустил именно Жубер¹⁰, он бы очень посмеялся.

Прибыл. Сообщил. Вымолил два часа сна. Забрал Луи.

На обратном пути думал, не сронить ли где под раkitой буйну голову? Третьи сутки пошли. Ноги одеревенели. Спина – гудит. Но опять увидел мертвого. На сей раз пехотинца. У воды. Наклонился попить. Был подстрелен. Полковник подобрался, решил все-таки доскакать до своих и наотрез, слышите, наотрез отказаться от очередной посылки: «я не железный...»

Новый вестовой мчался наискось, через поле. Он давно потерял шапку. Ужасный проступок! За ним увязалось человек пять – судя по синей форме, польских улан. Живым не выпустят. Но главное – сумка. Поспешал же безвестный курьер старым Шуркиным маршрутом – ко Второй армии. Значит, приказания в очередной раз сменились, сообразно обстановке. И если тот, новый, посыльный не доедет – капкан. Попадет князь Петр как кур в ошип.

Бенкендорф развернул коня. Вытащил саблю. Ах, как не хотелось! Пятеро на одного – верная смерть. А хорошо курьер идет! Ровно!

Мимо него пронесся адъютант на еще не слишком загнанной лошади. Пригнувшийся к холке, стоявший на стременах и всеми силами старавшийся не трудить коня собственным весом. Он краем глаза видел Шурку, но нельзя было поручиться, что осознал его присутствие. Полковник только показал курьеру обнаженную саблю, мол, не останавливайся, я пойду наперерез. И дал шпоры Луи.

Что за лошадь! Жеребец как на крыльях перенес его к преследователям. И те – вот дуры головы – вместо того, чтобы отделить пару человек для продолжения погони, все сразу накнулись на жертву. Сарматы!

Двоих он убил почти сразу. Один – слишком горячий – сам с наскока напоролся на саблю. Другой поднял руку с клинком и, уходя от удара, Александр Христофорович полоснул его в бок. Кавалерист начал заваливаться.

что высшее руководство французской армии против войны с Россией, тем более против похода на Восток.

¹⁰ Капитан Жубер – знакомый Бенкендорфа по поездке во Францию. Помог ему похитить Жорж из Парижа.

Зато оставшиеся трое озлились не на шутку и, плюясь ругательствами, начали атаковать с разных сторон. «Интересно, кому бы сейчас сочувствовала Яна?»¹¹ Во время рубки мысли всегда убегают. Кто-то жаловался, что во время молитвы тоже...

Сзади прогремел выстрел, и один из поляков повалился в седле назад, раскинув руки, из которых на землю упали сабля и пистолет. Но другой нападавший, поняв, что клинком врага не достать, разрядил ему в грудь седельный штуцер.

Нельзя сказать, чтобы Шурка не почувствовал минуту, когда умирает. Очень больно! Хуже, чем грянуться с лошади на землю. Что он, кстати, тоже проделал.

Полковник лишился чувств. Но как-то несерьезно. Минута. Может, еще меньше. Он видел, как прямо над ним топчется жеребец Луи. Зараза! Сейчас наступит! Не хватало еще быть раздавленным!

Никто не уходит красиво. Будет блин... Улан, убивший его, вдруг накренился. У него из груди высунулся окровавленный клинок. И в следующую секунду несчастный грузно пополз вниз. А последний из нападавших вскинул саблю и застучал ею с кем-то, кого Бенкендорф не видел.

Рубка была очень короткой. Тот, второй, действовал умело. Два удара. Третий от плеча к седлу. Готов парень.

– Странно, что вы живы! – Такое мог сказать только идиот.

Курьер, которого пропустил вперед Шурка, склонился над ним и пытался рассмотреть рану.

– А крови-то и нет. – У него было добрейшее, простодушное лицо. Очень породистое и в то же время какое-то незащищенное. Что мало гармонировало с парой уложенных рядышком противников.

– Я вас знаю, – едва слышно выговорил Бенкендорф. – Видел в ложе «Соединенных друзей». Вы князь Волконский?

– Серж, – новый знакомый расплылся в улыбке, отчего стали видны все его зубы. – Я нынче служу при штабе Барклая. Вот послан...

Ах, да, он послан! Шурка с бранью поднялся на ноги. У него было чувство, что в грудь попало ядро. Но нет. Когда полковник растегнул форму, стало понятно произошедшее – стальной ажурный крест королевы Луизы¹², большой, чуть не с ладонь – принял на себя пулю. Хорошее немецкое литье! Даже не погнулся. Зато под ним во всю ширь ребер расплылся синяк. Такой огромный, какого молодые офицеры не припомнили бы.

– Вам надо в лазарет, – сказал Серж.

– А вам к князю Багратиону! – разозлился Бенкендорф. – Как вы осмелились вернуться? Почему не продолжили путь?

Волконский опешил. Вместо благодарностей его ругали. Видимо, так случалось часто. Потому что длинные загнутые ресницы курьера задрожали, а на лице появилось растерянное выражение: я опять что-то сделал не так?

– Но ведь вы же... Но ведь вас же...

Вместо ответа, полковник схватил сумку, висевшую у нового товарища на боку, и ощупал. Полная! Слава Богу!

– Это, – проговорил он, – важнее и моей, и вашей головы вместе взятых. Я потому и поскакал наперерез, чтоб дать вам время.

¹¹ Яна – графиня Анна Потоцкая, польская любовница Бенкендорфа.

¹² Луиза Августа Вильгельмина Амалия (1776–1810) – прусская королева, супруга Фридриха Вильгельма III. Одна из главных вдохновительниц сопротивления Наполеону на немецких землях. Отличалась нежной красотой и сильной несгибаемостью волей. Первой из немецких дам отдала свои драгоценности для нужд армии. Их заменили украшения из стали. В начале Наполеоновских войн среди прусских и русских офицеров существовал культ королевы Луизы. В нее был влюблен и Бенкендорф. Последняя подарила ему свой стальной крест, о чем рассказано в книге «Личный враг Бонапарта».

По растерянному лицу Сержа было ясно: он искренне раскаивается, но... не понимает.
– А вы бы разве за мной не вернулись?

Не надо задавать ему подобных вопросов! Он не знает! Не знает. Вероятнее всего, что так. Но служба требует. Следует отнестись разумно... Есть долг!

Бенкендорф поймал повод своего коня и начал влезать в седло с видом восьмидесятилетнего казака, решившего тряхнуть стариной перед внуками.

– Вы слишком хорошего мнения о людях, – бросил он. – Сейчас скачите как можно быстрее. Вы уже припозднились. Назад попросите лошадь, зовут Жозефиной. Она вас вынесет очень аккуратно.

* * *

После поездки Бенкендорф, конечно, не пошел в лазарет: сочтут, что отлынивает. Но решительно заявил, что должен отлежаться. Продемонстрировал синяк. Ему поверили. Велели убираться в сени штабной избы и на крики порученцев не дергаться. С той минуты, сколько бы ни орали над ухом, полковник дрых, а как проснулся, пошел искать внезапного спасителя.

Стоило заново познакомиться. Порядочным образом.

Адъютанты Барклай обитали в Главной квартире на окраине Дрисского лагеря. Эта чудная позиция возмущала всех, но почему-то никто не осмеливался выказать своего протеста государю, с упорством, достойным лучшего применения, защищавшему достоинства Дриссы¹³.

С холма хорошо просматривался правый берег Двины, река делала большой изгиб, обнимая подобие деревянной крепости. Возможно, прусский генерал Фуль, разработавший накануне войны эту позицию, держал в уме римские лагеря. Неудачный опыт. Три моста, переброшенные через реку в тылу, служили единственным средством к отступлению. Перерезав их, враг мог целиком окружить армию и раздавить, используя численное превосходство.

Сколько было сказано о Дриссе обидного! И справедливого с любой точки зрения.

Уже подходя к огромной штабной палатке, холщовую крышу которой колебал ветер, полковник услышал навязшие в зубах разговоры:

– Местность командует лагерем, а не он ею.

– Мы преграждаем путь неприятелю или освобождаем его?

– При нашей малочисленности Бонапарт просто обойдет Дриссу, переправится через Двину и вклинится в глубь империи. А мы пальцем не сможем пошевелить.

Наконец, чей-то уверенный голос сказал:

– Это или глупость, или предательство. Выбирайте любой ответ.

«Каково смело говорят, – подумал Александр Христофорович. – Напугать, что ли?»

Он сунул голову в палатку:

– Господа, не стоит забывать, что стены вашего жилища из тряпки.

На него воззрились весьма неприязненно, а, разглядев знаки различия, нехотя начали вставать с мест и оправлять ремни.

– Вы что же, одобряете Дрисский лагерь? – осмелился спросить один из адъютантов.

– Ни на минуту.

– Тогда почему...

¹³ Против Дрисского лагеря выступали практически все русские военачальники. Современные исследователи считают, что план обороняться под Дриссой был такой же обманкой, как наступательный план Багратиона, и имел целью на первых порах сбить Наполеона с толку, замедлив его продвижение.

Александр Христофорович остановил болтуна жестом.

– Я давно служу Его Императорскому Величеству и знаю, что государь ничего не делает без причин. Вы видели господина Фуля? Если даже на мой взгляд, он – педант недалекого ума, то каков же на взгляд человека гораздо талантливее и образованнее меня?

Этот неотразимый аргумент не возымел действия. Собеседники не были готовы признать императора талантливее или образованнее их самих. Но к полковнику худо-бедно расположились и даже осведомились:

– Чем можем служить?

– Я ищу князя Волконского. Он должен был вернуться от Багратиона, из Велижа.

– Серж! – развязно позвал кто-то. – Бюхна!

Гостю не понравилось выражение презрительного превосходства, отразившееся на лицах офицеров.

– Где тебя черти носят! Спит! Как приехал, глаз не продирает!

Не желая вызывать новых непочтительных реплик в адрес своего спасителя, Бенкендорф решительно двинулся через палатку и в дальнем углу увидел Сергея, лежавшего на попоне. Под головой у того, как у воителя времен Святослава, было седло. Сапоги с ног не удосужился снять даже денщик.

– Это безобразие, – тихо сказал Шурка, и, сев на пол рядом с курьером, положил ему руку на плечо. Он не думал будить Волконского, но одного шороха оказалось достаточно. Серж вздрогнул и мигом открыл глаза.

– Вы?

– Простите, я не хотел...

– Как ваш синяк?

Оба посмотрели друг на друга и начали смеяться. Без всякого повода.

– Выйдем?

Серж сладко зевнул и поднялся.

– Мне снова куда-то ехать?

– Вы от меня решили принимать приказания?

Давясь беспричинным хохотом, они выбрались на улицу, провожаемые самыми неодобрительными взглядами товарищей.

– Что это за прозвище? Бюхна?

Серж пожал плечами.

– Не помню... Они как-то потешались надо мною, и прилипло.

Бенкендорф сощурился.

– Почему вы позволяете так обращаться с собой?

Этот вопрос привел князя в замешательство. Он сам не понимал. Так сложилось. Вышло. С детства. Из дома. Из пансиона. Из полка.

– Вы не знаете, – замялся Серж. – Ну, конечно... Если бы знали, не пришли...

Александр Христофорович не понял, но на всякий случай сделал сочувственное лицо: мало ли какие у людей неприятности.

Волконский смутился еще больше.

– Я не совсем... Как бы это сказать...

– Он у нас придурок! – раздался из палатки чей-то раздраженный голос.

Бенкендорф вскипел.

– Это, конечно, ваше дело, – заявил он Сержу. – Но я бы не стерпел. Я видел, вас в деле. Мысли не допускаю, что вы боитесь.

– Но они говорят правду...

Полковник понял, что судьба свела его с очень особенным человеком, кротость которого равнялась глупости, а глупость храбрости. Им следовало руководить.

– В военное время дуэли невозможны. Сейчас же пойдите и врежьте этому козлу в зубы.

Серж немедленно встал, вернулся в палатку, и через секунду оттуда послышался грохот. Брань. Удивленные крики. Стук опрокинутых ружейных козел. И наконец через откинутый полог на улицу вылетел один из особо наглых адъютантов, не понравившийся Бенкендорфу с первой минуты. Именно он сомневался в таланте и образовании государя.

– Вы довольны? – простодушно осведомился Серж.

– А вы?

По лицу Волконского было видно: очень.

– Отчего же сразу не разобрались с ним?

Бюхна вздохнул.

– Они правы. Я едва терпим. У меня... наплывы.

Что за «наплывы» одолевали товарища? И почему тот стыдился их, не стыдясь ужасных, порой чудовищных вещей, посредством которых боролся с личным бедствием? Всего этого Шурка в тот момент не знал. А узнав позднее, посчитал ниже своего достоинства прервать дружбу. Подумаешь – отец сумасшедший. Ну, почти. Служил, женился, в ус не дул. А что у детей теперь голова не в порядке – не его печаль!

Впрочем, Серж получил не просто хорошее – блестящее образование. Он болел ботаникой и бился об заклад, что на вечной мерзлоте можно вырастить арбузы. Разве не дурак? Это утверждение, коего молодой Волконский держался твердо, точно защищал редут, и послужило первой причиной издевок. А уж потом поехало...

Ибо взглядов своих Бюхна не скрывал. И они, все как один, шли вразрез с общепринятыми. Календарь у нас неточный, бабы не зачинают во время течки, солнце на полюсе стоит полгода, не садясь... К счастью, политики дело пока не касалось. И Шурка посчитал болтовню приятеля безобидной.

Их сблизила курьерская служба. Они мотались, как нитки, сшивая две армии. И оба неизменно проскакивали. Уже полштаба выкосило. Уже полегли те, первые, зубоскалы. Теперь не имело смысла держать на них зла. А двое вестовых все ездили и ездили, встречаясь на дороге и передавая друг другу то краюшку хлеба, то фляжку водки. Но чаще сообщая, что там-то и там-то проехать уже нельзя.

Когда у Платова, старого Шуркиного командира¹⁴, в арьергарде разгорелось дело с поляками, Александр Христофорович как раз прискакал с очередным пакетом к Багратиону. Не выдержал, пристал к казакам и был очень доволен первым разгромом противника. А нечего нас преследовать! Копыта срежем!

Возвращаться пришлось через Бобруйск, Могилев и Полоцк, давать большой крюк и в конце концов опять очутиться в Дрисском лагере. У коновязи полковник заметил знакомую фигуру. Серж мотался от штабной избы и обратно, имея крайне встревоженный вид.

– Чего не спим?

Волконский смешался и промямлил что-то невразумительное. Ему стыдно было признаться, что он волновался. Об успехе Платова уже донесли. Но были и убитые.

– Давайте условимся, – сказал Александр Христофорович. – На все плевать. Спите, когда сможете.

Серж закивал.

¹⁴ На Дунае А.Х. Бенкендорф некоторое время служил под началом атамана М.И. Платова.

* * *

В Витебске Шурка видел безобразную сцену. Он привез пакеты от Багратиона, который у себя в ставке метался и кричал, что надо давать решительное сражение. А так уходить – подло!

С командующим Второй армии были согласны все. Но пока только у солдат и младших офицеров язык поворачивался открыто выкрикивать в спину проезжавшему Барклаю де Толли: «Дармоед! Предатель! Немец! Пошел прочь!»

Войска грозили выйти из повиновения. А император – очень мило – ускакал в Москву: разбирайтесь сами. Как выйдет.

Вышло чудовищно.

Александр Христофорович доставил почту. Получил холодно-поощрительные слова в штабе де Толли, где, и правда, вертелись одни немцы. Мельком увидел Михаила Богдановича в просвете двери – огромный лысый череп и сморщенное от бессонницы лицо – и думал было уходить, как в сених столкнулся с целой толпой высоких чинов.

Ею предводил разгоряченный донельзя великий князь Константин Павлович. Которого, бог весть почему, считали знатоком военного дела – в юности он совершил с Суворовым Итальянский поход и без подметки прошел через Альпы. Большая заслуга! Если учесть, что остальные сделали то же самое. Иные босиком.

За Константином валил цвет армии – Раевский, Ермолов, Милорадович. Любимцы войск. Отцы-командиры.

Замыкал шествие прискакавший с большим риском для себя и для Второй армии Багратион. Вот уж кого Александр Христофорович не чаял здесь увидеть – только расстались и на тебе! Курьер бочком протиснулся мимо блестящей золотом орды генералов и по стенке выполз в сени. Но уже оттуда услышал:

– Я не могу больше приказывать людям отступать!

Раевский имел полное право говорить так. Он только что выдержал тяжелейший бой под Могилевом, прикрывая переправу войск Багратиона через Днепр.

– Ведь вы недавно дрались, – холодно возразил командующий. Но его слова вызвали только взрыв негодования.

– Да что мы с ним церемонимся, господа! – воскликнул Константин Павлович. – Ведь он не русский. Ему тут ничего не жалко! Для него кругом позиция. А для нас – родная земля!

И кто это говорил? Молодой человек, чьи немецкие корни уходили аж до Карла Великого! А остальные? О, конечно, все давно обрусели, покрыли грехи нездешнего первородства двумя-тремя поколениями местных браков. Но все же, все же...

Генералы кричали от боли и стыда. От страха: еще одно требование попятиться, и люди поднимут их на штыки.

– Как же можно оставлять такую добрую, такую хорошую родину?! – взмолился Багратион. – Меня растянули, как червя. В любую минуту враг перережет коммуникации. Что тогда делать?

– Подтягивайтесь к Смоленску, – спокойно возразил Барклай. Он не понимал горячих людей. Зачем кричать, когда и так все плохо? Всяк делай свое дело.

– Ваше высокопревосходительство, – густой голос начальника штаба армии Ермолова покрыл общие возгласы. – Я воюю с пятнадцати лет. И никогда не оспаривал приказов. Но смотреть на бедствия мирных жителей, когда это твои сограждане, – невозможно. Поймите и армию.

– Хорошо. Чего вы хотите? – промолвил ледовитый Барклай.

– От тебя, трус и предатель, ничего! – взвизгнул было великий князь, но остальные его не поддержали.

– Дайте бой, – выдохнул Раевский. – Мы клянемся умереть.

– Зачем? – устало спросил командующий. – Вы не хуже меня знаете, что без хорошей позиции сражение будет проиграно. Кому вы нужны, мертвые?

Ему в ответ загудели. Требование было непреложным.

– Армия вот-вот рассыплется, – тихо сказал Ермолов. – Одна-две победы покупают солдатскую преданность. Но горе прослыть предателями...

– Хорошо, – повторил Барклай. – Слева от города есть лощина. Упремся в нее. Но предупреждаю, мы понесем значительные потери и ничего не выиграем.

Все заговорили радостно и громко. Командующему никто не поверил. Или сделал вид, что не верит. Пришедшие, исключая Константина Павловича, были достаточно опытны и умелы, чтобы понять: Барклай прав. Но признать это гласно не хватало духу.

Бенкендорф на ватных ногах вышел из штабной избы. Вот оно! Теперь все немцы – предатели. Он подождал, пока куча победно гомонящих генералов не покинет сцену. А потом снова простучал ногами по крыльцу. В избу не успели набежать ни адъютанты, ни свитские, попрятавшиеся при первом удобном случае.

Барклай был один. Он сидел за большим некрашеным столом с горой бумаг и молча смотрел на какой-то конверт, не имея сил заставить себя вчитаться.

– Михаил Богданович, – тихо произнес полковник.

Командующий вскинул голову и досадливо поморщился.

– А, это вы? Распоряжений нет.

Шурка замялся всего на секунду.

– Я не то хотел... Они не правы. И сами знают, что не правы.

Генерал холодно смотрел на вестового. Его лицо оставалось замкнутым. У Бенкендорфа язык прирос к гортани: не по чину высказывать сочувствие таким высоким персонам.

– Многие понимают, что вы истинный патриот и любите...

– Я не люблю, – твердо произнес Барклай. – Просто служу. Честно. И если у Его Величества еще есть войска, чтобы обороняться, в этом моя заслуга, а не этих крикунов.

* * *

Наконец, 22 июля, армии врезались друг в друга прямо под красными осыпавшимися стенами Смоленска. Тот-то было радости. Мы не одни! Не одни!

Даже Барклай и Багратион встретились по-братски. И всюду демонстрировали согласие, хотя смотреть друг на друга не могли.

Бенкендорф получил приказание оставить штаб и поспешать под команду генерала Винценгероде, который собирал за городом из резерва Летучий корпус¹⁵. Его авангард предназначался Шурке – даром что ли он половину службы провел с казаками? Сам государь распорядился. Кто лучше знает, как действовать по коммуникациям противника? Перерезать дороги. Лишать снабжения.

Бенкендорф был грустен. Он уже наладился вместе со всеми принять великий бой. Часть армии разбила лагерь на холмах правого берега Днепра. Часть – прямо перед кремлем, готовясь умереть здесь.

¹⁵ Летучий корпус Винценгероде принято называть «первым партизанским отрядом». Это было войсковое соединение, включавшее конные регулярные и иррегулярные части. Его задача состояла в разведке, перерезании коммуникаций противника, уничтожении отдельных «партий», оторвавшихся от французской армии. По дороге до Москвы Бонапарт оставил в гарнизонах и для охраны дорог 115 тыс. чел. Они и должны были стать противниками Летучего корпуса, который сам насчитывал ок. 4 тыс. чел. На деле оказалось, что корпус нередко принимал участие и в общих с главной армией операциях.

Следовало найти Сержа. Попрощаться.

– Ты уезжаешь? А я?

Нет, от него не было спасения ни по ту, ни по эту сторону Днепра!

– Возьми меня с собой! Я не буду обузой.

Бенкендорф разозлился. Схватил друга за плечи, хорошенько потрянул.

– Отдавай же себе цену! Ты с твоей саблей не можешь быть обузой. Только благословением Божиим.

Полковник вернулся в штаб. Наговорил много лишнего о службе вестового и о том, что таких лихих людей, как князь Волконский, держать за мальчиков и поздно, и неудобно. Пусть другие поездят! Он забирает Сержа в летучий отряд...

Никто и не возразил. Избавились, слава Богу!

– Собирайся!

Бюхна подскочил на месте. Мог бы полезть целоваться, с него станется.

– А мы разве не примем бой?

Договорились принять, а потом ехать. Мысли, что убьют, не было. Хотя в тот день покосило многих. И без всякой пользы, как предупреждал Барклай. Но армия хотела огрызаться. И огрызалась. Просто, чтобы Бонапарт не считал, что ему рады.

Глава 2. Тетушки

Январь 1817 года. Харьков и окрестности.

Прежде чем ехать в Старые Водолаги, Бенкендорф отправился за справками к даме, достойной во всех отношениях. На углу улицы Благовещенской и Дмитриевки, в одноэтажном желтом особняке с белыми дорическими колоннами останавливалась княгиня Наталья Ивановна Куракина, когда приезжала провести свои имения под Харьковом. Она снимала дом у того же коллежского секретаря Мюнстера, с которым генерал-майор уже познакомился.

Карета Бенкендорфа проследовала мимо глухой ограды – «мой дом, моя крепость» – с коваными, как печные заслонки, воротами, и остановилась у тумбы, которой служила свороченная на сторону скифская баба.

В конце прошлого века муж Куракиной служил генерал-губернатором Малороссии и набрал помаленьку то там, то здесь деревенок, которые очень помогли семье после войны, когда подмосковные были разорены. Брат знаменитого бриллиантового князя Александра Борисовича – Алексей – был не столь известен, но делен, а его вдова не жаловала деверя и не распространяла на Бенкендорфа родовую неприязнь. Напротив, она часто бывала у императрицы-матери и относилась к Шурке с покровительственной нежностью, прозвав его «наш Вальмон»¹⁶, или «наш Казанова». Что, конечно, импонировало молодому человеку и только подстегивало его к новым похождениям.

Бывает такое состояние сердца у пожилых дам, когда они любят внуков или их друзей со снисходительной радостью, не завидуя и не огорчаясь, что собственная юность прошла.

При взгляде на милейшую Наталью Ивановну становилось ясно: она провела век в любви и покое. А потому во всех видела искорки этих чувств, пусть зарытые глубоко под спудом служебных неудач и душевных печалей.

Когда ей доложили о приезде Бенкендорфа, княгиня играла на арфе и почти с сожалением отложила инструмент, но, пока шла навстречу гостю, преисполнилась радости, потому что для нее он был не командиром дивизии, а веселым шалопаем из царскосельской гостиной.

– Ну здравствуй, Вальмон, – Наталья Ивановна поцеловала генерала в темечко, когда он склонился к ее руке. – Все кудри порастерял. Раньше говорила: какой стал большой! Теперь что?

– Старею, – вздохнул тот.

Княгиня поморщилась.

– Слова от тебя такого слышать не хочу. А как же мы? Нас уже и хоронить пора?

Генерал рассыпался в заверениях, что Наталье Ивановне хоть сейчас на бал, но та остановила его жестом.

– Больше не пляшу. А в Благородном собрании не была, уж и сама не помню почему. Простыла, что ли? – Она засмеялась своей старческой рассеянности. – Твой батюшка, поди, больше моего забывает? Как сядем в карты играть, так все норовит ставки понизить, хоть заранее договорились, что партия на пуговицы!

Александр Христофорович вынужденно улыбнулся. Отец действительно плошал на глазах, минутами не помнил, кто он есть и какова его подпись. Получая письма от детей, спохватывался, читая на конверте собственную фамилию – вот, оказывается, кто я таков! Ну-

¹⁶ Виконт де Вальмон – герой романа П.А. Ш. де Лакло «Опасные связи» (1782 г.), светский волокита и циник, соблазнивший добродетельную госпожу де Турвиль, к которой, как оказывается, питал более глубокие чувства, чем думал, вступая в интригу.

с, будем отвечать от имени генерала инфантерии Христофора Иванова сына Бенкендорфа... Или вдруг среди немецкого текста, сбивался на французский, вписывал русские выражения... Словом, путал, путал, путал. «Неужели и я буду таким?»

Шурка предпочел бы не дожить до старости. И долго верил, что не доживет. Как вдруг войны кончились, он застрял в гарнизоне. И вот уже зрелость в разгаре. А за ней холодом дышит завтрашний день. Особенно страшный, когда пример перед глазами.

– Ну, с чем пожаловал? – Наталья Ивановна уже вела его к столу. Было рано обедать, но княгиня блюла старинное гостеприимство и не могла ударить в грязь лицом. – Здесь, в Малороссии, вспоминаешь, как должно быть и как прежде было у нас, – говорила она. – Люди теплее. Горячие даже.

Александр Христофорович был не уверен, что это хорошо. Невоспитанные. Неделикатные. Простота хуже воровства. С другой стороны... Проведя юность при дворе, где все исключительно степенно, он разучился ценить это качество и внутренне ликовал, когда ловил хоть одно нерасчетливое движение души. Чему, безусловно, научился у Марии Федоровны, любившей сердечных простаков вроде Багратиона или Платова. Такими, как «бриллиантовый князь», она только пользовалась.

Кем был он сам? Его и любили. Им и пользовались.

– Предпочитаю здешние блюда, – призналась Наталья Ивановна. – Когда только ехала к мужу в Малороссию, остановились на ночь в степи. Глядь, свет из-под земли, крики, музыка. Землянки, а в них казаки-переселенцы играют свадьбу. Мы туда: можно к вашему шалашу? Милости просим. Пьют. Пляшут. Бабы прямо на колене раскатывают тесто, кладут в него творог, лепят пирожки и кидают в котлы. Отродясь вкуснее тех галушек не едала. Все потом вывалили наверх, стали стрелять в небо – фейерверк, что ли – радуются, кричат: «Да здравствует наша матушка Екатерина Алексеевна! Которая дала нам эту землю!»

Старушка едва не прослезилась.

– Теперь небось не так?

Шурка заверил, что после войны кругом наблюдалось всеобщее ликование, и с радостью увидел, что буфетчик, прислуживавший барыне за столом, взялся наливать ему из вместительной фарфоровой супницы наваристого красного борща, от которого на версту несло чесноком. Одновременно лакей поставил на край стола серебряное блюдо с нарезанными дольками апельсина. Бенкендорф знал, что жевать надо цедру, но чеснок она все равно не отобьет.

– Так с чем пожаловал? – Княгиня позволила себе задать вопрос не прежде, чем гость опустошил первую тарелку. – Егор, еще господину генерал-майору.

– Что вы знаете о госпоже Дуниной? – не без запинки произнес Александр Христофорович.

– О-о-о! – возглас был настолько долгим, насколько у старушки хватило воздуха в легких. – Эх тебя занесло! С чего бы?

Бенкендорф признался, что питает интерес не к тете, а к племяннице.

– Бедняжка, – отрезала Куракина, чем привела гостя в еще большее замешательство, ибо непонятно, к кому относилось слово: к нему или госпоже Бибиковой?

– Род большой, старинный. Весь из этой земли вышел, в нее же и уйдет, – констатировала Наталья Ивановна. – Егор, мне кипяточку надбавь. Так вот. Нет таких людей – Дунины. Суть фамилия ее мужа, генерала. На службе человека видного. Здесь – тьфу и растереть. – Куракиной понравилось удивление, растекшееся по лицу собеседника. – Ах, батюшка, с каким трудом я эти премудрости постигала! Теперь хоть кому помогу. Слушай. Есть другие люди. Норовы и Донец-Захаржевские. Два семейства. Сильные. Упрямые. Большу-у-ущие. В конце позапрошлого века казачий старшина Донец поставил здесь острог при Чистых Водах. Водолаги, значит, по-татарски. Пришли государевы люди. Стали жить. С Норовыми,

которые верховодили окрест, они всегда были на ножах. Наезды, поджоги. Но вот притерлись как-то. Решили, что вместе будет сподручнее. Поженили детей. Родную сестру Марии Дмитриевны – Марфу – выдали за Донца-Захоржевского. Меж собой семьи побратались. Стали как одна. Но им бы еще и при служебных выгодах очутиться. Отдали Марию за генерала, за Дунина, годами ее сильно старшего и именем небогатого, зато в чести и у Потемкина, и у Румянцева, и у Суворова. В Крыму воевал. Оттуда все трофеями изоделись.

Бенкендорф слушал внимательно. Родословная госпожи Бибиковой открывалась ему с неожиданной и даже пугающей стороны. Выходило у нее родни – полгубернии. А он только с девчонками и успел подружиться. Те, кажется, готовы были отдать ему маму, лишь бы с горки катал!

– Дунин Марью любил, сказать нельзя как. Чуть умом не тронулся. Дома не оставлял. Везде с собой возил. И под Очаков, и под Измаил. Она не из пугливых, и жила с мужем ладно. Это, говорит, ты во фрунте командуй. А дома – я. У нее, слышь ты, ножка, как моя ладонь. Махонькая. Вот кто-то и рассказал князю Потемкину, мол, у приезжей к мужу генеральши туфелька китайской мандаринше на зависть. Видали? Нет, отвечает тот, но захочу, посмотрю. Передали Дунину. Он в тот же день жену собрал и на подводе – домой. А так немногие делали. Все князю своих супруг подложить хотели. Для чинов. – Наталья Ивановна вздохнула. – Ну да князь был человек сердечный. Понял свою оплошность. Прости, говорит, брат Дунин, не за тех вас с женой принял. Вертай, говорит, подводу. Будете жить со всяким уважением. Вернулись. И с тех пор нашу Марию Дмитриевну только на руках не носили. Как штурм – ее в безопасное место. Была вроде талисмана. В восемьсот четвертом году муж ее помер. Детей семеро. Богатства не меряно, поместья аж за горизонт уходят. Она по-старому командовала. Дочек замуж отдала. Все они здесь, как яблоки возле яблони, и попадали. Ближко живут. И вдовую племянницу к себе взяла. Не сохнуть же веточке вдали от дерева.

Наталья Ивановна замолчала.

– Все, что знаю. Не обессудь, если мало.

– Достаточно, – Бенкендорф кинул. Ему было о чем призадуматься. – Я зван к ней на Крещение.

– Большой успех, – кивнула княгиня. – Она чужаков не любит. Уже и прикинула, за кого племянницу выдать, чтобы, значит, тоже невдалеке и для семьи польза была.

– За кого? – Александр Христофорович напрягся.

– Да за Романа, за Шидловского. Хозяина Лысой Горы. Там глины дивные. А у Дуниной – стеклянный завод. Смекаешь?

Смекать-то он смекал. Но зла не хватало. Значит, за глины?

– А этот Шидловский не родственник Марье Ивановне, изюмской предводительше?

– Брат мужа. Отставной прапорщик. Еще у них винокуренные заводы, мельницы, испанские овцы тонкорунные. Да и чего только нет! Дунина как-то мне призналась, что ошибкой выдали Лизавету за русского, ну из центральных губерний. Он все пропил, прогулял, да и сам сгинул. Теперь вдова с двумя детьми никому не нужна. Хуже того – досадна. Без копейки, на чужой каравай. Если будут снова сватать, то поблизости. И чтобы прибыток был.

Очень утешительно! Бенкендорф уже знал, что от него прибыток – шерсти клоч.

– Наталья Ивановна, – взмолился он. – Введите меня в этот дом. Я хоть и приглашен, но не в своей тарелке. Никто меня не знает...

– Нет ничего проще, – рассмеялась княгиня. – Надо для начала поехать к Шидловским. С ними вы ближе?

О да! С предводительшей. Но этот хозяин стекольных глин портил всю картину.

* * *

К Шидловским поехали на другой день. Шурка думал, что в Мерчик, и заранее дергался. Там дворец, как в Версале. Людовик XIV на выселках! Но оказалось – дальше, в Кунье. Наследники не одобряли отцовской расточительности, каждый выбрал себе имение и пустился в коммерцию, не забыв отгрохать собственный замок.

Это прущее в глаза богатство и удивляло, и злило генерала. На какие шиши? Мужичков загнали на месячину?¹⁷ Заложили земли в банк? И пановать?

В центральных губерниях ничего подобного не наблюдалось. Рубленые помещичьи дома с колоннадой, тесанной местным умельцем из дуба и крашенной побелкой. На суглинке и на песке народ бросал пахать и искал отхожих заработков. Целые села принимались за промыслы, вдоль дорог – за извоз, отстегивая барину негустую оброчную копейку. И только вдали от рек и трактов угрюмые господа Сундуковы еще уповали на барщину.

Здесь жили жирнее, ибо земля дарила щедрой рукой, а хозяева, оставив пахоту южным соседям, курили вино, ставили мельницы на запрудах и гуртом завозили породистый скот.

Благодатное и правильное дело – обзавестись на Слободщине усадьбой. Бенкендорф скопил глаза на княгиню Куракину, которая точно подтверждала старую истину: не клади все яйца в одну корзину. Хорошо владеть и подмосковными, и киевскими, и степными, и новгородскими, а занесет на Волгу – бери и там, земля подрайская. Придет война, не всех одним махом накроет. Разорятся одни, потянешь с других и выправишься. Но сейчас добрейшая Наталья Ивановна меньше всего думала о хозяйстве. Дай Бог здоровья дамам старого общества! Их следует решительно отличать от бранчливых наседок, в равной мере наделенных любопытством и сердечным равнодушием.

Куракина, ради него, пустилась в гостёбы. Оставила теплый дом, забралась в возок на полозьях, скользивший по неухабистой зимней дороге со скоростью мохноногого шестерика местных лошадок.

Ехать в открытых санях, застланных ковром, было бы веселее, но не двадцать пять верст кряду. Княгиня куталась в кунью шубу необъятных размеров – такая обычно занимает целый сундук – и прикрывала ноги широчайшей волчьей полостью. Она сразу поделилась ею со своим Вальмоном и время от времени ободряюще похлопывала его по белой перчатке.

– Шинелька-то твоя на рыбьем меху! И сам худющий! В чем душа держится? – Ее румяное личико от улыбки покрывалось сеткой морщин, целиком проглатывавших глаза.

Путь лежал к северо-западу от города. Там благоденствовал предводитель изюмского дворянства Николай Романович со своей ненаглядной половиной Марьей Ивановной, урожденной Капустянской. От одного звучания здешних фамилий у Шурки в животе становилось тепло, а в нос ударял запах пирогов.

Уже на подступах к усадьбе на глаза стали попадаться солидные каменные амбры и службы, крытые красной черепицей. Мелькнула церковь с гранеными куполами, и с портиками, в которых гость разглядел каменные фигуры евангелистов.

– Ты вещи-то захватил? – осведомилась старушка, чей увесистый рундук генерал, когда садился, заметил притороченным сзади возка. Ее лакеи стояли на запятках, а гайдуки скакали по обе стороны дороги. Один из них трубил в гнутый рожок, а другой, избоченясь, кричал: «Княгиня Куракина едет!» – Нас, почитай, до самого Крещения не выпустят! – поте-

¹⁷ Месячина – род барщины, при которой у крестьян отбиралась почти вся земля, а сами они целую неделю работали на помещика. Была распространена на Украине с ее черноземными почвами. В других регионах страны барщина по закону не могла превышать трех дней.

шалась над замешательством спутника Наталья Ивановна. – Придется послать. Ведь ты не станешь позорить меня грязными рубашками?

Генерал втянул голову в плечи. Он замерз и хотел, чтобы дорога поскорее закончилась.

– В старые времена никто одним возком не ездил, – бодро сообщила княгиня. – У моего батюшки в дорогу целый поезд собирался. Карет из двадцати. Да еще телеги с едой, с перинами, с шатрами... Верховые, воспитомки, челядь. Бывало, вся Калуга – мы через нее ехали – калачи печет, чтобы нас прокормить. А теперь... Так кататься – себя не уважать! – Старушка зажмурила глаза, и спутник понял, что она блаженствует в прошлом, где толпа холопов готовит ей и стол, и дом посреди неприятных полей.

– Приехали! – вдруг радостно закричала Куракина, когда возок от церкви вильнул проулком и сразу попал в обширный курдонер, своей регулярной планировкой заставлявший забыть, что ездоки – в глуши.

Дворец вырисовывался розовой трехэтажной громадой за гладью широчайшего рукотворного озера. Обогнув его по расчищенной от снега дороге, гости остановились у массивного портика с семью колоннами. Навстречу высыпала челядь. Мальчики-казачки принимали лошадей под уздцы. Лакеи распахивали дверцы возка, низко кланялись и раскатывали ковровую дорожку до беломраморных ступеней дворца. Управитель послал постреленка за хозяевами, а сам, согнувшись в три погибели и отставив в сторону правую руку, шел впереди, пятясь и не спотыкаясь. Так, спиной, поднявшись к дверям – тяжелым, ореховым, с лаковыми вставками, – он махнул ладонью, и створки в тот же миг растворились.

– Гости! Гости! Какие гости! – С дубовой лестницы навстречу приехавшим спешила предводительша в белом крахмальном чепце и необъятном голубом капоте. – Княгиня! Матушка! Выше высокопревосходительство! – Она перекатывалась со ступеньки на ступеньку, колыхаясь большим сдобным телом.

Дамы обнялись. Быстро и оживленно заговорили по-французски. При этом Куракина время от времени бросала на привезенного ею генерала заговорщицеские взгляды, и тот чувствовал себя жеребцом, выставленным на продажу. Особенно с той секунды, как госпожа Шидловская тоже стала метать в него фейерверочные ракеты и согласно кивать княгине, все более воодушевляясь.

Теперь и у него появились «тетушки»! А у них – законное развлечение. Тайна, которую они могли хранить и пестовать, что уже само по себе – занятие. Шурка подарил им радость соучастия в делах «молодых», и теперь мог рассчитывать на помощь. Хотя бы на сведения.

– Мой супруг на охоте, – извинилась Мария Ивановна. – Поехал полевать¹⁸. Может, зайцев подстрелит.

Приезжих повели на второй этаж в двухсветный зал, а оттуда еще выше – в гостевые комнаты.

– Нынче у нас никого нет, – оправдывалась предводительша. – Вы одни. Так не взыщите за скуку. К Крещению соберутся. В Водолаги поедем целым поездом.

Бенкендорф было открыл рот, чтобы спросить, неужто и отсюда ездят к Дуниной? Но княгиня осторожно пихнула его локотком в бок: так принято, так принято.

Светлая горенка под крышей с круглым окошком, где генералу предстояло бросить свои бранные кости, была меблирована трофейными диванами и бюро красного дерева. Как они прикочевали под Харьков из Европы? Кто, через какие руки и за какие деньги перепродал их старосветским помещикам?

¹⁸ Полевать – охотиться в полях. Особенно богатой такая охота бывала по осени, когда били птицу: рябчиков, вальдшнепов, диких фазанов. Зимой частой добычей становились зайцы.

Александр Христофорович не без смешка осмотрел кресла ампир с поломанными в дороге ножками, которые чинили дома и, надо признать, весьма искусно, но другим деревом – морили и многократно покрывали лаком, лишь бы потемнело.

Слава Богу, перина на кровати была домашней – пухлой и холодной. Шурка бросил перчатки на стол и дохнул. В воздухе повисло белое облачко. В открытую дверь, без спросу, ввалился лохматый истопник, грохнул об пол связкой поленьев и, кряхтя, полез в печь, проверять заслонки.

Бенкендорф отвернулся к окну. Его вдруг охватили досада и нерешительность. Зачем он приехал? Ради госпожи Бибиковой, которой толком не знает? И которую ему, ясное дело, не отдадут. Шурка чувствовал, что его затягивает в воронку новой авантюры. Чему, положив руку на сердце, следовало бы радоваться, ведь в последнее время не происходило вообще *ничего*. Но сейчас генералом владело оцепенение. Минутный ужас, который случается перед переправой. Другого пути нет. Все до тебя поплыли. И ты поплывешь. Но отчего-то медлишь... медлишь... не вступаешь в воду.

* * *

Вместе с денщиком и рубашками из города прибыло письмо от председателя Уголовной палаты. Бенкендорф сломал печать. Хотя он и чужой человек, но к делу прикосновенный – сам напросился. А у нас по старинке считают своим долгом отчитаться и перед заезжим высоким чином, как будто тому только и дела – что до утонувшей девки!

Выходило любопытно. Тело вскрыли. Ничего особенного не обнаружили. Куда интереснее оказалась шерстяная понева, в сгиб которой по подолу были зашиты тяжелющие медные монеты. Да такие чудные, что одну из них Мюнстер прислал на погляд. «У нас ничем таким отродясь не платили», – писал он.

Александр Христофорович развернул белый платок и был поражен темным коричневым квадратом величиной с ладонь. На нем имелся грубый отпечаток орла и номинал – 5 копеек. Урони такую гирю на ногу, и она даже сквозь сапог ушибет пальцы. А у Орыси в подоле было зашито на десять рублей меди.

«Сии-то монеты и утянули девку ко дну», – заключал далее председатель Уголовной палаты. Опрос обывателей, стоявших на реке, показал, что горничная кинулась сама, никто ее не толкал. Но тонуть не собиралась, била руками и хотела вылезти. Ее точно за ноги тянули вниз. Пока народ подбежал, она уже ушла под лед. «Полагаю, что тяжелая медь и послужила грузом». Мюнстер спрашивал, не видал ли генерал где-нибудь подобных денег. Ему самому по службе никуда дальше Сум выезжать не приходилось.

Бенкендорф приказал денщику подать сундучок с письменными принадлежностями. «Ваша монета в любой губернии была бы редкой гостьей». Он имел счастье разглядывать такую лишь однажды, в детстве, как диво. Во дворце показывали покойному государю Павлу Петровичу, чем платят на сибирских заводах, у Строгановых. «Чеканят с прошлого века, но хождения за пределами северных губерний почти нет».

Следовало сужать круг подозреваемых, если у следствия они вообще были. Кто ездил в Сибирь? Имел там коммерческие дела? Принимал дальних гостей? Родню?

Станным было и поведение утопленницы. Побарахтаться и вынырнуть? Ей дали денег, но она боялась хранить их дома и зашила в юбку. Положа руку на сердце, если бы все это не касалось Дуниной, а через нее Елизаветы Андреевны, генерал не стал бы трудить голову. Но от случившегося веяло подставой. Никто не хотел смерти. Не нарочно вышло. А чего хотел? Подкапывался под местную барыню-распорядительницу, которая целому городу и чума, и манна небесная? С какой целью? И как все это может задеть вдову с детишками?

Александр Христофорович не был уверен, что должно задеть. Но почему-то чувствовал род ответственности. И страховался. Лишатся покровительницы – пойдут по миру. Хорошо ли?

Вечером все собрались к столу. Хозяин правда набил зайцев, и кухарка сотворила длинные пироги с зайчатинной. Особенно нежные, пока свежие. Завтра уже будет не то. И, повторяя эту фразу, как заклинание, гости накинудись на сдобное, норовя захватить побольше и пощавкать погромче, чтобы порадовать радушие господ Шидловских.

Николай Романович – весельчак без буянства – воспитывал дочь Катерину осьмнадцати лет, которая уже была сговорена за капитана гвардии барона Меллера-Закомельского, обладателя соседнего имения. Родители нет-нет да бросали на генерал-майора укориленные взгляды: эх, поздновато вы к нам пожаловали! Но сама «панна Катерина», кажется, была довольна судьбой и меньше всего думала о густоте эполет суженого. Приезд ее жениха наметался назавтра, и черноглазая мадемуазель пребывала в блаженном предвкушении встречи: на вопросы отвечала невпопад, с гостями была рассеяна до неприличия и все ловила взглядом мелкий белый пушок за окном.

Это ее состояние сразу понравилось Бенкендорфу. Он подмигнул Катерине Николаевне, мол, все про вас понятно, чем вогнал девицу в краску, но и расположил к себе.

– Вы господина Меллера знаете? – осторожно осведомилась хозяйка.

– Отличнейший человек, – заверил Александр Христофорович. – Сын генерал-аншефа. В Заграничном походе прекрасно себя показал. – Он поймал благодарный взгляд девицы. – Хорошо, что молодые стали раньше жениться. Это мы с войной припозднились. Между тем дом, хозяйство делают человека степенным, не позволяют увлекаться развратными политическими теориями.

За столом все затьфукали и закрестились: «Храни Бог! Храни Бог!»

– Хватит с нас и одной Бонапартовой беды, – рассудил предводитель. – Все Вольтеры с Дидеротами! Уж как их учения свирепствовали! Лихорадка – ни дать ни взять.

И снова сотрапезники согласились с благонамеренными суждениями хозяина дома. Заговорили о соседях, знакомых и родне. Ожились, стали сыпать шутками. Порой далекими от снисходительности.

– Прекрасно, что вы к нам завернули, прежде чем ехать к Дуниной, – кивал предводитель. – Приятный, так сказать, знак уважения. Все же Шидловские здесь, близ Харькова, поважнее будут. – Он избоченился. – Наш отец владел почитай всей округой. Да у нас с Дуниной тяжба. Не земельная. Но все же...

– И вы тем не менее едете к ней? – осведомился Бенкендорф, отправляя в рот пятый кусок пирога.

– А что делать? Так принято. У нас гуляют на Пасху. В Мерчике. Видали дворец моего батюшки? Да я вам покажу, как сподобится. Огромное строение. Всякому барону, чи графу французскому на зависть.

– Да ладно тебе, старый, – уняла мужа предводительша. – Расхвастался! И правда, господин генерал-майор, у нас балы весной. А в Крещение – извольте к Марии Дмитриевне. Всем, так сказать, семейством, с чадами и домочадцами. Теперь вот и жениха везем. Показывать. Вдруг не примут его? Ведь не здешнего корня.

– Мама! – с укором проговорила мадемуазель Шидловская. Она явно не одобряла смотрин для жениха. Да и Меллер-Закомельский одобрит ли?

– Напоказывались уже! – вспылал предводитель, ничуть не стесняясь гостей.

Княгиня Куракина осторожно наступила Шурке под столом на ногу: слушай, важное.

– Братца моего Мишаню как обидели! Каким дураком на весь свет выставили! По ее, по Дуниной, милости.

– Мишаня сам виноват, – подала голос хозяйка.

– Где он виноват? От него жена сбежала. И что ему теперь соломенным вдовцом до гробовой доски жить?

Александр Христофорович потянулся через стол к мадемуазель Шидловской и шепотом попросил:

– Просветите нас. Мы сидим и предмета спора не понимаем.

Катерина Николаевна живо зашептала:

– Дядя мой, Михаил Романович, венчался с Авдотьей Дуниной, дочерью Николая Петровича Дунина, майора, брата мужа госпожи Дуниной, ну того, что генерал. Авдотья ей родная племянница. Они не ладили. В смысле, муж с Авдотьей. И та сбежала с отставным прапорщиком в Трубчевск под Орел, потом куда-то под Воронеж. Дядя Михаил ей вернул приданое. И стал просить в духовной консистории, чтоб развели. Де жена блудит безбожно с таким-то чином. А ему говорят, да хоть с полком, не положено.

Бенкендорф хмыкнул: известная песня. Люди лет по двадцать процессы ведут. Разъезд без взаимных претензий – самое верное.

– Чего вы шепчетесь? – возмутился хозяин дома. – Мишаню осуждаете? Да он дитя. Его опозорили, хорошо не обобрали. Хотя именишко ее не след и отдавать было.

– Пустое, – вмешалась супруга. – Он ей имение, она ему согласие, чтобы миром. Купили двух свидетелей. Те в консистории показали: своими глазами видели разврат Авдотьи Николаевны. Без этого никуда. Ну, думали, все, сладили дело. Как вдруг госпожа Дунина налетела коршуном. Всех застрашала. И консисторию, и Гражданскую палату, и Авдотью, и Мишаню-мученика, прости Господи.

– Как застрашала? – не понял генерал. – Зачем?

– Ведь на семействе пятно! – пояснил предводитель. – Разговоров не оберешься. Срам один. Уличенному в блуде консистория запрет на новый брак пишет. Авдотья без царя в голове. Согласилась.

«Видать, крепко своего прапорщика любила».

– Однако тетка не могла стерпеть, чтобы фамилию Дуниных так склоняли. У нее шесть девок на выданье. Как она их распахает, ежели Авдотью публично уличат в разврате?

– И тут наш Мишаня, дурак дураком, – сокрушенно вздохнул Николай Романович. – Говорит: тогда уличайте меня. Терпежу нету. Хочу детей законных. Годы-то идут.

– Да у него детей целый двор бегают! – махнула на мужа салфеткой Марья Ивановна. – Чего ты, спрашивается, дурень, полез? Уже сейчас был бы брат свободен...

– О чем болтаешь? – рассердился Николай Романович. – Нам дочь выдавать. Какая бы за ней слава пошла?

Интересная история. Главное – поучительная. Очень к месту, как раз мечтаешься о женитьбе. Голая правда. Без прикрас.

Наблюдая ссору родителей, мадемуазель Шидловская уже роняла слезы в тарелку.

– Меньшой мне брат дороже остальных! – бушевал предводитель. – Потому как последыш. За него душу отдам!

В это время явился управитель и с низким поклоном доложил, что к крыльцу приехала соседка, госпожа Ольховская.

Все за столом напряглись. Хозяева стали переглядываться. Было видно, что гостья непрощеная и очень неприятная.

– Прикатила, так зови, – бросил Николай Романович. – Не гнать же!

Но управитель мялся и мямлил, что госпожа Ольховская встала у крыльца в снег на колени и не идет. Молит о снисхождении.

Семейство поднялось и заспешило вниз, по дороге принимая у слуг шубы и шали.

– Ты что это, Анна Степановна, нас позоришь? – зарокотал предводитель, едва выйдя под портик.

– Жена нашего соседа, – шепнула генералу мадемуазель Шидловская. – Очень богатая. Ее муж Савва на нас прошлой осенью наехал.

– Как наехал?

– Очень просто. Сжег мельницу. Разломал винокуренный завод. Котел пробил, английский, больших денег стоит. Народу погубил человек до пятидесяти. У него свой завод...

«Конкуренция».

– Грозился моего жениха, если встретит, повесить на раките.

– Зачем?

– Так ведь своя дочь есть. И дворец больше нашего.

Вокруг крыльца сгрудились холопы госпожи Ольховской. Сама она приехала в крытых коврами санях. Гайдуки с факелами в руках гарцевали вокруг на холеных лошадях. Темный снег освещался бликами фонарей в руках лакеев.

Гостья стояла перед домом соседа на коленях, разметав вокруг себя шубу из черной лисицы, и билась головой в снег.

– Анна Степановна! Встань, голубушка! Не совести меня, ведь я дворянский голова! – взмолился хозяин. – На тебя-то, сирота, зла никогда не держал!

– Это правда, – продолжала шептать Катерина. – Соседка добрая. Если б не она, ее муж уж давно бы здесь всех разорил и порезал.

– Ой, не встану! – заголосила госпожа Ольховская. – Батюшка! Благодетель! Милостивец! Не погуби!

«Черти что! – подумал Бенкендорф. – Ни властей, ни закона. Как живут?»

– Помирает мой сердечный! Лихоманка его взяла! Саввушку-то, Саввушку-то моего!

– Да хоть бы три лихоманки! – разозлился Шидловский. – Мне что? Разве не он моих людей посек? Котел опять же покупной...

– Не погуби! – выла соседка. – Как ты с таким грехом жить будешь? Сыми колокол.

Вон оно что!

– Папаня после наезда в память преставившихся заказал колокол. – Все-таки хорошо, что Катерина Николаевна почла генерала достойным доверия! – Отлил на нем имена несчастных, а понизу надпись: де виноват господин Ольховский. Как в колокол звонят, язык бьет аккуратно по имени «Савва».

– Сыми! Целый год у вас ударят к вечерне, а мой родимый в горячке бьется. Теперь помирать надумал.

Николай Романович насупился.

– Не сниму. Сие Божья кара.

Соседка в отчаянии закусила губы до крови, стянула с головы шапку и стала терзать свои косы.

– Прости нас, кормилец! Прости, окаянных! Куда я без Саввушки?

– Да он зверь у тебя, – робко вступилась Марья Ивановна.

– Люблю, мочи нет! Помирает.

Николай Романович потоптался, боднул головой и кликнул управителя.

– Звоните в другой колокол. Сзывайте народ на площади. А ты, Анна Степановна, не обессудь – не у меня прощения просить будешь. Простят тебя семьи убитых твоим мужем-извергом, тогда, может, и Бог помилует. А я простил. Велю колокол снять.

– Милостивец! Благодетель! – зарыдала госпожа Ольховская.

Все повлеклись к церкви. Деревня вечерила, но растревоженная звоном, разом вздыбилась и загудела. Из мазанок выбегали люди, думали, что пожар, и так с баграми и ведрами в руках собрались перед храмом. Господин Шидловский кратко изъяснил им положение.

– Супостат наш помирает. Просит отпустить душу на покаяние. Может, еще оклемается, ежели мы простим. Простим?

Госпожа Ольховская стала обходить семьи убитых. От нее отворачивались. Она падала в снег, умывалась слезами, сулила денег. Наконец, совсем отчаялась и возопила к морозному небу:

– Да простите ж вы меня, люди! Я, я не доглядела. В бане была. Мне сказали: полевать поехал. Кабы я знала! Если не помрет, пешком в Лавру пойду. Нигде покоя иметь не буду. Всех убитых там, в святом месте, помину. А его, окаянного, больше со двора не выпущу. Посажу на цепь. Любить буду.

Последнее показалось Шурке чересчур. Но народ почему-то одобрил. Видно, господин Ольховский ничего, кроме цепи, не заслуживал.

Вышел батюшка. Стал увещевать христиан в добродетели, мол, такое нам испытание Господь дает. Не только близких схоронить, но и простить врага. Сердца умягчились.

Наконец, над толпой раздались голоса: простим, простим.

– Поезжай, милая, домой, – сказал Николай Романович. – Скажи ему, злодею, отпускают люди грех. Мы в тот колокол звонить больше не будем. А завтра, на свету, начнем снимать.

Анна Степановна последний раз повалилась в снег перед толпой и была посажена своими гайдуками в сани.

– Понял, куда тебя судьба занесла? – вкрадчиво спросила княгиня Куракина, беря Шурку под руку. – Вот как здесь живут. Может, ну ее, ту вдову?

Бенкендорф не знал, что и сказать.

* * *

На другой день приехал барон Меллер-Закомельский.

– Делайте вид, что мы с вами знакомы, – шепнул ему генерал-майор. – Вчера за столом мне пришлось хвалить вас будущей родне.

– Премного благодарен, – молодой человек пожал протянутую руку. При взгляде на него становилось понятно, почему мадемуазель Шидровская выбрала этого рослого чернобрового красавца. Он сам держал себя с ней очень осторожно, с тем затаенным чувством счастья, какое – признался себе Александр Христофорович – было бы и у него, если бы тогда, в молодости, сумел настоять...

– Отцу жаловали много деревень на Слободщине, – поделился барон. – Но он все пустил по ветру. Нас трое братьев. Жить на что-то надо. Я приехал сюда заняться хозяйством. Думал даже выйти в отставку. Но понял, что ничего не смыслю. Счета, управители. Знаю, что воруют. И не могу понять, где. Едва руки на себя не наложил с тоски. Тут встретил Катю. Судьба. – Он растерянно улыбался.

«Да. И большое состояние». Завидовал ли Александр Христофорович? Хорошо, когда вместе с приданным попадется милая, ласковая, неглупая, недурная собой... Почему всегда мимо него?

Оставалось утешать зыбким будущим.

В Куньем Бенкендорфа ожидало еще одно открытие. Он не терял надежды разведать на счет Романа Шидловского, другого брата предводителя, и его злодейских планов относительно вдовы. Хозяин пригласил гостей бить зайцев. А какие тут еще развлечения? Шли по полю. Меллер шмыгал носом и то и дело пропускал беяков.

– Нет, все-таки странно! – наконец воскликнул он. – Зачем тащиться за тридевять земель в какие-то Водолаги? Ведь мы все сладили! Не пойми чья тетка! Я чувствую себя конем в манеже!

Александр Христофорович расхохотался. Вот как? Молодой человек проведаль про смотрины? И, конечно, обескуражен. Столичное воспитание!

– Тут так принято, – отрезал генерал.

На лице барона отразилось отчаяние.

– А вдруг... – Он уже настроил себе радужных планов, карточных домиков и замков на песке.

– Слушайте меня, и все будет хорошо, – сказал ему Бенкендорф. – Поездка для порядка. Родные все решили. Даже если вы не понравитесь почтенной Дуниной, это ее печаль. Но традиций они не нарушат. Будут показывать вас, как медведя на ярмарке.

Капитан вздохнул. Было видно, что он покоряется только ради Катерины. Молодые заметно страдали. И в ознаменование своего молчаливого протеста Закамельский набил гору зайцев, чем немало поразил будущего тестя – глаз-алмаз.

– Вот и мой брат Роман также стреляет! – Может ли кто-то сравниться с Шидловскими? Превзойти их? Только родственник и только вровень!

– А отчего его не видно? – задал Александр Христофорович провокационный вопрос. – Он ездит к Дуниной на Крещение?

– Он оттуда носа не высовывает! – рассмеялся Николай Романович. – Хотел бы я знать, когда этот хитрец в последний раз был дома? Она, слышь ты, за него племянницу хочет выдать. Которая Лизавета, вдова. Он и сам вдовец. Растит дочку. Его супруга, такая была нежная, добрая, стихи писала, померла лет пятнадцать назад. Он и затворился от всех. Даже странно, что теперь выезжает. – Николай Романович заговорщически толкнул генерала в бок. – Видать, хороша вдова! Жаль, приданого за ней – одни детские горшки. Да еще младшая девка больная. Тронутая малость. Которая Олёнка. Покойников видит.

Это уже было ни на что не похоже. Генерал застыл с открытым ртом. Вроде шустрая девчонка...

– Может, ее мать головой об печку стукнула, – ржал предводитель. – Ну да моему брату все едино: он сам богат. Сколько лет землю скупал. Теперь овец испанских разводит. За ним будут как за каменной стеной. Хватит Роману бобылем горе мыкать. А девчонка, глядишь, подомрет. Такие долго не живут. Мы как в Водолаги тронемся, через его имение проезжать будем.

Авентюра вторая. Отступление

Дворяне Белоруссии, которые всегда были поддонками польской шляхты, дорого заплатили за желание избавиться от русского владычества. Их крестьяне сочли себя свободными от ужасного и бедственного рабства. Они взбунтовались и находили в разрушении жилищ своих мелких тиранов столько же варварского наслаждения, сколько последние употребили искусства, чтобы довести их до нищеты.

А.Х. Бенкендорф. «Записки»

Июль – начало августа 1812 года.

Пока шли по Белоруссии – пятки горели. Население чужое, сумрачное, много пьющее и не одушевленное ничем, кроме ненависти к собственным помещикам – полякам. Теперь вышедшие из повиновения холопы азартно резали их, выгребая дворцы подчистую.

Поделом. Здесь разоряли и вымогали последнее, ибо хотели жить в роскоши. А «тяма нема», как говорили мужички. Едва Бонапарт зашевелился на границах, панове взялись точить родовые сабли. И повлеклись к нему на подмогу. Ногу за порог, а быдло с вилами тут как тут.

Русским от этого пользы не было. Одно слово – единовѣрцы. Ни проводников, ни прокормления. Рисковали, против всякого чаяния, евреи, уже срастившие свои интересы с

армией, жившие на поставках, боявшиеся мести. Поляки их ненавидели за торговлю с русскими, крестьяне – за шинки и поминутное разорение. Кто доставлял платья и мебель? У кого шляхта брала в долг? Теперь не хотела отдавать. Тем более с процентами. Зачем? Если можно убить.

И убивали. А потому местечковые коммерсанты жались к отступавшим и под страхом «неистовств» отваживались даже служить проводниками. Летучий корпус разжился таким в окрестностях Велижа.

Казаки, те сначала вздумали резвиться. Там прихватили зипун, тут выдернули у хозяйки их ушей сережки. Побрали всех свиней в деревеньке и решили накормить шинкаря нечистым мясом. А чтобы ел, ну тискать жену – заартачишься, сам знаешь, что будет.

Было всем по шапке. Очень вовремя в шинок явились командиры.

– Готени! Готени! – вопил хозяин. – Шо за беззаконье! Я вас спрашиваю!

– Поори мне! – цыкнул Бенкендорф. – Я на тебя посмотрю, когда поляки придут. Им о законах рассказывать будешь!

Он грозным рыком разогнал казачков, за которыми уже подглядывали в дверь калмыки: ждали своей очереди. Помог бедной женщине подняться. Принес всевозможные извинения. Презрительно зыркнул на ее мужа. Будут детей резать, он только криком изойдет!

– Почему не уехали?

– Сын болен. Лежит расслабленный.

О такой напасти Александр Христофорович читал только в Библии. Вот ведь занесла судьба!

– Совсем не встает?

– На лошади сидит.

– Собирайтесь. Мы вас при первом соприкосновении с армией скинем.

Шинкарь не знал, кого больше бояться: поляков или казаков. Но, рассудив, что тут он вроде сговорился с офицерами, начал скликать детей.

– Ты, матушка, вот что скажи, – озабоченно осведомился полковник. – Куда мы выгребли? И вообще...

Вопрос был резонным.

Корпус из одного драгунского и трех казачьих полков, по мысли командования, должен был поддержать общее наступление. Ушел от Духовщины в рейд к самой границе Белоруссии. Поначалу их обступали поля да дубравы, дававшие роздых на сухой земле. А потом, минуя сосны, из-под ног вдруг выскочил мокрый ельник. Речки набухли, норовили разлиться в озера, по заболоченным берегам которых с трудом продирались даже издавшие виды казацьи лошади. Ноги у них вязли, брюхо елозило то по тине, то по осоке.

Наступление отменили. Летучий корпус оторвался от общих коммуникаций и пропал в лесах. Не беда. От противника отваливались целые дивизии. Скажем, Евгений Богарне со своими итальянцами. Получил приказ идти параллельно остальной армии, свернул с дороги и растворился в тех же чащебах. Теперь «партизаны»¹⁹ кругами ходили друг за другом, принимая окраинные отряды за границы чужих армий и пребывая в тоскливом «поиске» месторасположения противника.

Вслепую.

Участников партии беспокоил один вопрос: где свои? Своих же, то есть Главную армию – где чужие? А Бенкендорфа, при взгляде на окружающее безлюдье не оставляла мысль: здесь можно не только войну, конец света пересидеть, ничего не узнав о пришествии Антихриста.

¹⁹ В те времена слово «партизан» означало – участник партии – и не приобрело еще своего будущего значения. Французских мародеров также иногда называли в источниках «партизанами».

Сын шинкаря оказался сметливым парнем. Только уставал быстро. Он облазал все окрестные леса. Где-то под Усвятом на него вышел медведь. До смерти перепугал и послужил причиной прискорбного для родителей расслабления. Впрочем, сам Шлема в ус не дул, потому что болезнь избавила его от необходимости жениться на неинтересной девке. Теперь же война будоражила нервы. Прикинув в уме, он точно указал, где неприятель может разжиться реквизициями. Между Поречьем и Велижем шла густо заселенная полоса: деревня на деревне. Туда и двинули.

Конечно, после этого рейда Шлема получил прозвище Мудрый. Но сам поиск изобиловал горестями и нелепостями. Под Поречьем мужики вырезали и сожгли местечко. И казаки, еще вчера готовые избить матушку своего проводника, теперь кричали и пытались прикрыть ему глаза шапкой:

– Не смотри, ей-богу! Экая страсть!

Тут со Шлемы слетело расслабление. Клин клином. Холопы, как разойдутся, пострашнее медведя будут.

Лишив неприятеля средств к пополнению провианта: иными словами, заставив местных пожечь урожай, раз прятать не хотят – корпус двинулся на Велиж. Там, по старым, еще штабным, сведениям, стояли два французских батальона, которые следовало захватить врасплох.

Регулярный драгунский полк пошел в лоб, прямо на ворота. А казачий авангард Бенкендорфа жажнул по окраине. Солнце еще не поднялось. Форма, и при свете-то многих вводившая в заблуждение, теперь казалась только французской. В какой-то момент Шурка, вскинув саблю, готовился отмахнуть.

– Ополоумел, да?

Серж отбил уже пошедший вниз клинок друга.

Свои своя не познаша!

При этом французы осыпали нападавших пулями из окон, и ретирада из Велижа потребовала от господ командиров кое-какого искусства.

Знатное дело! Нечего сказать.

* * *

Впрочем, случалось и смешное.

Под Дорогобужем, при свальном, кромешном отступлении застряли артиллеристы. Летучий корпус еще не окончательно разделился с армией. Авангард двигался по бровке дороги, стараясь не преграждать путь орудийным упряжкам. На передке одной из пушек сидел раненный в руку капитан и, нянча раздробленную кисть, для порядка поругивал то один, то другой расчет, проходивший мимо.

Увидев командира авангарда, он неожиданно оживился и замахал кивером с помпоном.

– Дорогой ты мой, – обратился артиллерист к Бенкендорфу. – Забери у меня бабу.

Шурка опешил. Нашел время и место! Конечно, у многих есть... Но самому же следовало позаботиться!

– Где ей в отступлении? – продолжал капитан, нимало не смущаясь. – Служит у меня уже год. И какая наводчица! Шарахнуло ее малость. Не контузило. Ни-ни. Просто шлепнуло воздухом. Ну куда я ее?

– Ты чё, с глузду съехал? – осведомился подскакавший Серж. – Какая баба? Хоть красивая?

– Ни-ни, – повторил артиллерист. – Но наводчица...

– На хер мне наводчица? – рявкнул Бенкендорф.

Но все же было интересно. Где он ее взял-то?

– Да с рекрутами и пришла! – раненый чуть не заливался слезами. – Ее, вишь ты, священник спьяну Василием окрестил, вместо Василисы. Так и записали.

– И что? – случай был прелюбопытный.

– Как что? Набор. Никто за нее в рекруты не пошел. Деревня жлобов! Недотыки чертовы!

– Не ругайтесь, – попросил Шурка, секунду назад сорвавшийся сам²⁰.

– Да я от боли, – извинился капитан. – Ну, возьмите. Сделайте божеское дело.

– Куда ее? – Бенкендорф развел руками. – Мы в рейде. А если казачки шалить вздумают?

– Да она любого казачка уложит, – артиллерист указал на телегу с орудийными ящиками, где, скрючившись и зажав уши руками, сидела девка лет двадцати, одетая по всей форме. – Орясина. И какая наводчица! Ей-богу, жалко.

– Жанна д'Арк! – оборжал Серж.

– Голова еще гудит? – спросил ее Бенкендорф.

– Ой, барин, гудит! – согласилась наводчица. – Но маленечко уже. Не так чтобы...

– Не сомневайтесь, – твердил капитан. – Она смирного поведения.

Василиса была дюжая, поперек себя шире, рябая и, очевидно, не возбуждавшая в артиллеристах тайных мечтаний.

– Как отшить охальника, знаешь?

– Я девушка, – засмушалась та. Но кулаки показала.

– Верхом ездит? – Бенкендорф повернулся к ее начальнику.

– Как на метле.

– Постирать там, сготовить?

Артиллерист, почуяв, что дело слаживается, отчаянно закивал.

– На много человек?

– А хоть на тыщу. Было бы из чего, – храбро ответила Василиса.

Поняв, что командиры сговорились, Шлема подвел ей заводную лошадь.

– Ой, – поразились девка. – Жиденок!

Ее простодушие не отдавало обычной на польских землях неприязню. Видела впервые. Смотрела, как на чудо.

– А ты рыжая! – обиделся Шлема. – Балда, дубина стоеросовая!

– Она не хочет тебя обидеть, – шепнул полковник. – И, между прочим, правду говорит: тебе бы надо во что-то переодеться.

Черный сюртучок юноши едва сходил на груди. Штаны до колен и чулки негодились для верховой езды: скоро голени от конского пота покроются язвами. А маленькая плоская шапочка то и дело слетала с темени.

– У меня в мешке портки запасные есть, – сообщила Василиса, глядя на проводника. – Могу поделиться.

– Больно надо, – через губу бросил Шлема. Полковник Иловайский давно обещал ему выправить мундир, если в Духовщине парень достанет ему пару свиней.

С тех пор девка Василиса прилепилась к авангарду. Ездила не шибко. Зато, если случались даровые харчи, готовила на маланьину свадьбу, норовя побольше запихать в Шлему, которого почему-то считала «сироткой».

²⁰ В те времена слово «хер» не считалось матерным, происходя от соответствующей буквы алфавита. А слово «черт» – напротив, воспринималось как весьма крепкое.

* * *

Сделав 124 версты за 36 часов – скорость для казачьего авангарда приметная – Бенкендорф выбил неприятеля из Поречья. Городка уже русского, где партизан поддерживали охотно и даже весело. Тут-то все и ощутили, что наконец дома. Выдохнули, точно до сих пор сзади им дышали в спину и пытались на ходу срезать подметки.

Жители висели на удилах. Показывали дерзкие следы погромов и святотатств. Жаждали сейчас же переколоть полторы сотни пленных. Но более всего – выспрашивали. Неужели и Москву, как Смоленск? Им отвечали уверенно. Нет. Никогда. Но у самих щемило.

Донцы проскакали через город спокойно. Их родные места расстилались южнее. А многочисленные драгуны спешили, ушли в сторонку и начали прикладываться к земле. Добрались!

– Что тут? – спросил у полковника вертевшийся рядом Шлема.

Как объяснить? Больше им не будут стрелять в спину.

– У Дорогобужа есть местечко. Можешь там оставить родителей.

Парень затанцевал в седле. Командир не сказал: «остаться». Проводник отряду больше не нужен. Но нужен ординарец, вестовой, посыльный – шустрый, пролазливый, без страха, но с мозгами. Бенкендорф знал, что Шлема не уйдет. Раз показавшись, дома не усидишь.

В Белый, брошенный жителями, сбросили несколько отрядов, предводимых местными помещиками. Диво дивное! Оказывается, не всех и не везде резали.

– Ваше дело – вредить, – прямо сказал им Шурка. – Тревожить поминутно. То там, то здесь. Поджигать. Захватывать курьеров. Пересылать нам сведения.

– Москву-то...

Что было для этих людей в Первопрестольной? Городе, который они отродясь не видели и вряд ли увидят? Уж, конечно, не сытый, богатый народ. Не магазины и лавки. Не мосты и прутья через парапеты набережной нескучные сады. Здесь дорожились святынями, сложенными в белые дарохранительницы соборов. И площадью. И стенами. И гробами старых государей.

Бенкендорф молча тронул пятками бока лошади. Москва и ему представлялась непреодолимым рубежом.

* * *

Еще на краешке Смоленских земель, в селе Самойлове под Гжатском, казаки, споткнувшись об околицу, обнаружили мародеров. Большинство порубили сразу, к вящей радости мужиков и особенно баб. Но человек сто засело в каретном сарае возле господского дома. Откуда вело прицельный огонь и вовсе не собиралось сдаваться.

Потери наступавшей стороны составили около десятка убитыми, что разозлило донцов, и те бросились на штурм. Чтобы их всех не положили тут же, Бенкендорф спешил два эскадрона драгун, велел примкнуть штыки и помочь иррегулярной братии. Мародеры отбивались с храбростью обреченных, но, наконец, вломившиеся казаки перебили почти всех.

Мужики приходили ныть, чтобы им отдали пленных на истязание, которое перед смертью они полагали естественной расплатой за грабеж.

– Им же на небесах легче будет, – степенно рассуждал староста, – если здесь отмучаются. Вы гляньте, что они творили.

В доказательство была представлена церковь с сорванными окладами и загаженным полом.

– А вы куда смотрели? – огрызнулся Шурка.

Не получив неприятелей, крестьяне взялись за своих.

– Дозвольте нам дуру-то нашу, Кузьминичну, утопить? – вновь вышел с предложением староста. – Она французу серебро выдала.

– Какое серебро? – хмуро осведомился полковник. Жители Самойлова нравились ему все меньше.

Оказалось, что после отъезда барыни дворовые вырыли в подвале яму, куда схоронили из ее скарба все, что блестело. Но ключница открыла место врагу.

– Должно быть, ее били? Принуждали? – осведомился сердобольный Серж.

– Как без этого? – мужики переминались с ноги на ногу. – До сих пор на животе лежит. Говорит, кости переломали. Так мы ее утопим?

– Чтобы меньше мучилась? – уточнил Бенкендорф. – Ой, не о барском добре у вас душа разболелась. Сами хотели серебра загрести?

В ответ крестьяне возбужденно загудели: и в мыслях не было, как можно?

– Кузьминичну свою оставьте перед барыней ответ держать. Как вернется...

– Вернется она, держи карман! – раздались возгласы из толпы. – Наша барыня давно тю-тю! К французу подалась!

Серж поманил друга пальцем.

– Знаешь, чье имя? Princesse Alexis.

Шурка присвистнул. Александра Голицына была известной в свете ханжой. Тайной католичкой. Везде возила с собой аббатов и готовилась сама ехать в Америку, проповедовать среди дикарей.

Крестьянам между тем представлялось, будто хозяйка, водя дружбу со схизматиками, навела на их деревню французов.

– Вот тебе аббат Николь! Вот аббат Саландр! Вот аббат Мерсье! – вопили они под окнами разграбленного дома.

Серж, стоя на крыльце, помирал со смеху. Все перечисленные были его преподавателями в пансионе, где Шурка учился четыре годами старше. Он тоже давился хохотом, при этих грозных для детского слуха именах.

Пошли в господский дом. Тот был пуст. Даже окна выбиты. В продуваемой ветром анфиладе хлопали двери. Под ногами скрипели осколки стекла, а где-то вдалеке били часы.

Друзья миновали несколько парадных залов, приблизились к жилым. Опочивальня княгини. Молельня.

– Давно не видел! – Серж нажал на ручку двери.

Строгий кипарисовый крест. Скамеечка, похожая на стул с опиленными ножками. На аналое вместо Библии – хлыст для самобичевания – изящный, с ручной из слоновой кости и шелковыми языками.

– По-моему, дама развлекалась.

Лаковое бюро у стены было до отказа набито французскими журналами. Стали вытаскивать, и на Бюхну рухнула папка отлично отпечатанных листков фривольного содержания. Фрагонар в подробностях!

Сгибаясь от смеха, друзья забрали сокровище с собой, чтобы всучить казакам. Те плевались, но развратились легко и до ночи донимали Василису. Офицерам пришлось забрать девушку в дом.

* * *

Еще удивительнее была история о том, как они проспали Бородино. В прямом смысле. Рухнули, наломавшись за день, с коней, и забылись. Впрочем, к Бородину никто специально не спешил. Слова такого не знали. Армия отступала. Летучий корпус шел к ней на соедине-

ние. После рейда, уничтожавшего чужие фуражирные команды, авангард выгреб на дорогу из Можайска в Волоколамск и остановился в деревне Сорочнево. Временами ветром доносило далекую канонаду, и следовало бы догадаться, что верстах в тридцати идет большое сражение.

Но никому и в голову не пришло. Упасть и умереть – таков был итог дня. С утра начали приводить пойманных французов, блуждавших по деревням в поисках пищи и убежища. Они рассказывали о страшном побоище, устроенном на подступах к столице, и затруднялись уточнить, каковы потери. Одно знали точно – поле боя осталось за Бонапартом. И снова: «Vive l'Empereur!» Старая песня, которую Бенкендорф слушал аж с 1807 года. Если император «vive», то куда же вы подались от его армии? Тут обнаруживалось, что одни итальянцы, другие с берегов Рейна, третьи вообще не пойми как из Египта. Какого ляда пришли – не своей волей. А как уйдут – сами не знают.

– Костей не соберете, – просто говорил им Шурка на том языке, на котором было понятно. – Молитесь, что в плен попали, отправят вас в тылы. Там дождетесь мира.

Но его заверяли: император взял Москву, скоро войне конец. Сердце холодело от таких известий. Оставив Бенкендорфа за старшего, Винценгероде поспешил в Главную квартиру, узнать о происшествиях. Ему было твердо сказано, что армия отошла от Бородина и готовится к новому сражению. Которого не последовало.

Ужас охватил всех. Им велели оборонять переправу у Хорошево, через которую двигалась основанная армия. А потом самим уходить от преследования у села Троице-Лыково. Неприятель навалился на четырехтысячный отряд двадцатью тысячами. Крепкое было давило на крошечном мосточке у Саввино-Сторожевского монастыря. Казаков похоронили несколько сотен, и, только когда от Хорошево прискакал гонец – дело кончено – смогли отступить.

В другое время шли бы вслепую. Но теперь отсветы пожарищ освещали дорогу. Деревни, стога сена, хлеб на корню – все делалось добычей огня. Это ободрило бы всякого, кто сумел бы сложить в голове количество голодных французов с отсутствием продовольствия. Но отстраниться от жуткой картины не удавалось. Шурка смотрел на товарищей и понимал, что кроме копоти их лица покрывают крошечные капельки крови, вышедшей вместе с потом.

У Лыково ждал сюрприз: единственный паром сожгли.

– Пойдем вплавь, – распорядился Бенкендорф. – Драгунам делать все по-казачьи.

Тут выяснилось, что часть офицеров ни разу в жизни не заходила в реку. Не солдаты. Деревенские плавают, как рыбы. А вот их благородные господа...

– Утонете, никто плакать не будет, – рассердился Шурка. Но приказал способным плыть, облегчить лошадей, а неспособным – куда уж их девать – остаться в седлах и стараться не соскальзывать.

С грехом пополам переправились. Без потерь. Но Бенкендорф гласно стыдил драгунских офицеров, вменив в обязанность, пока лето – война не война – научиться плавать.

Французы шли уверенно. Если раньше их удавалось обмануть, внушив иллюзию большой численности, то, почуяв впереди награду за труды – богатый город – они ставили во главу колонн артиллерию и ее огнем сметали перед собой любые препятствия. В том числе и Шуркин авангард, превращенный в арьергард остального Летучего корпуса.

Уже как-то уложили в голове, что из Москвы уходят. Но пройти через сам город, насладившись зрелищем паники и отчаяния, – другое дело. Люди хлынули из всех ворот, одним своим видом наводя ужас на жителей окрестных деревень. Впрочем, имелись и такие, кто уверял, что французы – культурный народ – и никакого притеснения горожанам не будет. Брал же Наполеон в Европе столицы. Их слушали мало. То Европа, то мы. Нам пардону не дадут. Не по той цене идем.

Победитель уже вползал в Москву. Отряд Бенкендорфа промчался по самой окраине до Ярославской заставы, где ему на хвост наступили французы. Пришлось огрызаться. А жители все текли мимо, все катили повозки, все волокли мешки. Тысячи и тысячи, никому не нужных, покидавших еще целые дома, навек лишившихся нажитого, похоронивших надежды. Самые нечувствительные сердца содрогались от нестройного шума: топота ног, криков, скрипа колес и нараставшего гула – то входил враг.

И хотя руки делали привычную работу, отчаяние было общим. Мы проиграли.

Глава 3. Хозяева Чистых вод

Конец января 1817 года. Харьковская губерния.

Дни летели быстро, и вскоре обитатели Куньего собрались в дорогу. Ведь до Водолаг требовалось добираться по зимнему короткому «свиту». Затемно стали грузить сани. На радость княгине Куракиной – целый поезд. Захватили две подводы смоляных факелов. Бочки со смолой. Мало ли, где придется стоять. Вдруг метель?

Наконец тронулись, с гайдуками, с песнями, с колокольцами. С прощальным звоном малого колокола в спину. (Большой Николай Романович, как обещал, велел снять.) С благословением священника в спину и с поклонами жителей деревни. Все-таки хорошо, когда баре уезжают на праздник! Без них вольготнее.

Барам тоже было хорошо. Под полом их крытых возков тлели угли в медных жаровнях с крышками, прогревая всех задрогших. Молодые ехали отдельно, но на каждой остановке видались и ежеминутно пересылались коротенькими записками, отчего между их возками непрерывно сновал на лошади мальчик-казачок. Этот амур в овчинном тулупчике и белой папахе явно заработал на пряники.

Наконец приблизились к Богуславскому имению Романа Романовича.

– Самого-то его нет, – приказал передать предводитель. – Ну хоть посмотрите, как мы, Шидловские, развернулись.

Посмотреть было на что. Отсюда дорога выворачивала на Ростов, но помещичий поезд покати к Северному Донцу, миновал деревню Левковку и пошел под уклон. Бенкендорф прильнул к окну и тут же распахнул дверцу, чтобы в живую полюбоваться видом. С холма открывалась река, за ней стеной хвойный бор – темно-зеленый на фоне белых снегов и серой ледяной ленты. А среди него путеводной звездочкой – золотой купол храма в деревне Норовке.

– Были земли господ Норовых. Брат купил, – передал казачок слова Николая Романовича. Тот тоже отворил дверь возка и глядел на красоту. – А левее, левее, вдали – деревня Акилина, бывшая Донец-Захаржевских. Вон как он широко захватывает. Все наше будет!

Бенкендорф не понимал этого азарта. «Вы хоть то, что есть, освойте!» Но предводитель, не чувствуя бестактности, продолжал жать на рану.

– Как женится, Акилину супруге отпишет. Чтобы сиротам пошла. От него не убудет.

Александр Христофорович почувствовал себя совсем никчемным. «Куда я лезу?» Ему бы, как Меллеру, жениться на деньгах. Но у того и сердце пошло в расход – Катерина Николаевна стоила.

Водолаги открылись уже в сумерках. Пойма реки Мжи когда-то давала защиту острогу, а теперь длинной деревне с храмом, с усадьбой, со службами и с господским домом на юру. Красота здешних мест могла бы поразить Шурку, если бы он уже не ошетинился. Бедняга капитан тоже напрягся, предчувствуя, что именно он – главное развлечение. Его станут вертеть и пробовать на зуб. Что как опозорится?

– Говорите по-французски, – посоветовал генерал. – А по-русски только: «У нас в Санкт-Петербурге». От вас и отстанут.

– Но так я покажу свое презрение.

– А вы его не испытываете?

На лице Меллера было написано: меня бы не трогали, и я бы не тронул.

Господский дом с башенками уже светился сквозь сумеречную громаду парка. Туда съехалась туча гостей. Человек триста, не меньше.

– Думаю, нам будет менее удобно, чем у Шидловских. Где на всю эту ораву комнат напасть? – Но генерал ошибся, ибо хоромы, как и блюда за столом, полагались по чинам.

Кто-то и в гостиной на ковре поспит, чьим-то детям постелят сена в бане. А для княгини Куракиной с челядью будет особый флигель. Что же до командира дивизии – люб он Марии Дмитриевне не люб – чистая комната и человек к услужению.

Их встречали. И селили. И звали к вечернему столу. За который нынче садилось полторы сотни персон. Остальные – слуги, их кормили в кухонном флигеле. Сама хозяйка во главе. По правую руку от нее почетные гости. По левую – чередой домашних. Боже, сколько дочерей, зятьев и внуков! Бенкендорф заметил Елизавету Андреевну, очень далеко, за головами и спинами родни, и сразу ощутил неладное, так напряжена и неестественна казалась госпожа Бибикова. Натянуто улыбалась, кивала, передавала кушанья. Но сама брала мало, точно не хотела обедать. Посмотри, дурочка, остатки этой роскоши пойдут свиньям!

Шурка всегда страдал оттого, что чувствовал состояние других людей. Но сейчас за это стоило благодарить Бога. Он зря боялся местной простоты и грубости! Где угодно может родиться деликатный человек, и разве при дворе мало настоящих вахлаков, скрывающих внутреннюю тупость за лощеными манерами? Елизавета Андреевна мучилась каждую минуту своей жизни, ибо все происходящее принимала как милостыню. «Еще немного, и у нее начнутся нервные припадки, – подумал Бенкендорф. – Если уже не начались». Да, ей легче было доить корову. Есть сено, а не белужий бок. Но ради детей...

Александр Христофорович внимательнее присмотрелся к младшей – девчонки сидели по обе стороны от матери, она сама приглядывала за их тарелками: если надо, разрезала кусочки мяса, убирала жир, подцепляла ложкой выпавшую из пирога начинку. Олénка не выглядела ни малохоленной, ни испуганной. Конечно, Катя побойчее, но она и на год старше. Чего болтают? Языки без костей!

В эту минуту в столовую, церемонно извинившись перед хозяйкой, вошел Роман Шидловский. Весьма почтенный господин, лет под шестьдесят. Румяный, гладкий, бодрый. В прекрасном бархатном кафтане, в полосатой шелковой жилетке с искрой и в галстук, заколотом булавкой с бриллиантом. От него так и веяло благополучием. Здоровой, безмятежной жизнью. Шурка почему-то смутился и спрятал свое вечно помятое лицо в ладонях. Этот господин бил его, как туз валета, возмнившего себя королем козырной масти. Между тем Шидловский был всего-навсего отставным прапорщиком, а Бенкендорф всю жизнь топтался на полях сражений, но так ничего себе и не вытоптал.

Хозяйка аж привстала со стула, радушным жестом указывая гостю его место подле себя:

– Просим, просим, дорогой Роман Романович.

– Как вы думаете, – зашептал на ухо генералу Меллер-Закамельский, усаженный тут же, но левее. – Мы не должны возмутиться? По чинам он не может сидеть выше нас...

– Хотите скандала? – прямо спросил Александр Христофорович.

– Я? Да лучше бы меня вообще никто не видел.

– Тогда молчите. Знаете поговорку про чужой монастырь? Нам со своим уставом карательной службы здесь не будут рады.

И тут его взгляд снова упал на Олénку. Девочка, заметив Шидловского – надо признать, весьма далеко находившегося от нее, – вся побелела. Положила ложку и начала медленно сползать под стол. В самом Романе Романовиче ничего страшного не было. Даже напротив. Он улыбался и время от времени бросал на вдову просительные взгляды. Но ее дочь смотрела как бы не совсем на гостя, а ему за спину. И с каждой секундой все отчаяннее хватала воздух губами.

Мать спохватилась первой. Тетка за ней.

– Лиза, да выведи же ее! – воскликнула госпожа Дунина уже в спину племяннице, которая подхватила ребенка на руки и понесла вон из гостиной.

За столом зашушукались: «Падучая, падучая».

Ничуть не падучая! Падучих он не видел!

Бенкендорф дорого бы дал, чтобы очутиться сейчас в сенях, рядом с Елизаветой Андреевной, спросить, что случилось, ободрить, ну и вообще обратить на себя внимание.

– Жалко девчонку, – протянул барон. – Хорошенькая. А мне тоже этот господин не нравится.

– Ничего, – усмехнулся генерал. – Вы здесь обживетесь, начнете к нему в гости езжать, примиритесь с теснотой местного общежития.

– Нет, – покачал головой капитан. – У вас была контузия?

– У кого не было?

– Я помню, в первые дни после лежал и видел какие-то тени. Серые. Мечутся мимо кровати. И холодом ведет. Потом отпустило.

– У всех по-разному, – буркнул Александр Христофорович. Хватит с него и глухоты с заиканием!

– Так вот, этот человек, он не один, – вдруг выпалил Меллер.

Бенкендорф посмотрел на достойного жениха мадемуазель Шидловской.

– Остерегитесь. Не обнаруживайте подобных мыслей в широком кругу. Вас почтут сумасшедшим.

* * *

Вечером Александр Христофорович поднялся к себе в комнату. Он не делил ее с Меллером, хотя мог. У добрейшей Марии Дмитриевны нашлись «каморы про всех панов». Прибыл бы сам император, она бы и его поселила по-королевски.

Печь потрескивала. Генерал проверил вьюшки и счел нужным оставить их открытыми. Была охота угорать!

Сквозняк слабо шевелил занавеску. Перина поднималась кучевым облаком. От простыней исходило тепло. С минуту подождав денщика, Бенкендорф стал раздеваться сам. Он не сразу вспомнил, что приказал Потапычу посидеть-поболтать-поразведать у челяди на кухне, что здесь и как. Даже отдал бутылку полтавской вишневой наливки: пусть угостит, к нему расположатся. Отставной унтер был смышлен и исправен, разве что ворчлив.

Словом, ждать помощи сегодня не приходилось, и генерал не без труда сам стащил сапоги. Бросил их под стол и полез под одеяло.

Дверь скрипнула. Потом плотно закрылась с внутренней стороны, и испуганный шепот спросил:

– Вы одни?

Вместо ответа, Шурка закивал. Словно язык проглотил. Хотя случались с ним и такие пассажи: чего теряться?

Задвижка щелкнула, и к его кровати подошла Елизавета Андреевна. В ней не было всегдашней принужденности. Но не было и уверенности.

– Если вы против, я уйду.

Он опять замотал головой. Поймал ее руку и потянул к себе.

– Нашим детям мы будем говорить, что вы оказали достойное сопротивление.

* * *

На другое утро снег сиял, и все поехали кататься. Но Александра Христофоровича призвала к себе госпожа Дунина, удостоив высокой чести – держать совет.

Накануне прибыли дрожки с телом несчастной горничной. Надобно было решить, как ее похоронят: в ограде возле церкви или как самоубийцу. Прикопают на перекрестке – добрым людям на страх, лунным ночам на украшение.

– Сударыня, – генерал поклонился. – Известия от председателя Уголовной палаты, – он не стал скрывать от Марии Дмитриевны письма, – однозначно указывают, что девка не хотела наложить руки. Только попугать. Зачем – другой вопрос. Мы его сейчас не решим. Но Орысю утянула на дно медь. Ее можно отпевать и везти на кладбище.

– Камень с души! – Дунина широко перекрестилась. – А то уж и дворян, и деревня дуют в одну дуду. Нам бы утопленницы не надо, – хозяйка понизила голос. – Тутешний народ всякого стога боится. У того коня сглазили, у той корова не доится, дети померли от золотухи... За каждым кустом то вурдалак, то оборотень.

– Стало быть, вы довольны? – уточнил Александр Христофорович.

Хозяйка усадьбы помялась.

– Вы бы мне этот медяк оставили. Ведь в Харькове больше дознавать не будут. А я, может, чего и сведаю стороной. Все же неясно, кто и зачем дуреху мою на смертный грех подбил?

Бенкендорф вынул из кармана монету – специально прихватил, когда шел к Марии Дмитриевне.

– Дело не окончено, и «сведаем» мы стороной много разного, – протянул он.

Почтенная дама напряглась. Хотела что-то сказать, но не решилась. Даже рассердилась на себя за мысли об откровенности. И жестко отрезала:

– Вот еще что. Племянница моя уже сосватана. Не крутитесь возле. Не морочте бабе голову.

Бенкендорф в душе усмехнулся, припомнив торопливые ночные ласки, точно госпожа Бибикова хотела накопить их впрок, как готовят сено на зиму.

– А ее согласия спросили?

Мария Дмитриевна откинулась в кресле и сложила на груди руки.

– Да кто вы таков, чтобы вопросы задавать? Меня ни батюшка, ни муж не повешали, когда в церковь повели. Живу – долг блюду. Такова наша доля. А счастье Господь на небесах кует.

Александр Христофорович не был расположен выслушивать благие рассуждения, которыми прикрыты земные расчеты.

– Должен напомнить, мадам, что «насильный брак» – статья в законодательстве. Многие претерпеваются к мужьям. Но вы, коли батюшка вашего желания не спросил, имели право и в суд подать.

Оставив почтенную матрону, как громом пораженную подобной мыслью, генерал направился к себе. Он досадовал, что не катается с остальными в санях, не видит пестрой толпы и не перемигивается с Елизаветой Андреевной. Было бы до щекотания в носу интересно наблюдать ее испуг от сегодняшней встречи – днем, на свету, после ночного приключения. Она подошла ему сразу. Как перчатка по руке. Оставалось только заключить, что, создавая эту женщину, Бог думал о нем.

* * *

В комнате хозяина ждал денщик. Он вернулся под утро и был снулый, как наглотавшаяся воздуха рыба.

– Потапыч, – генерал толкнул унтера в плечо, – узнал чего?

– Э-э, барин, – протянул утомленный Санчо Панса и стал заваливаться за косяк двери.

– Ну ты не боец, – снисходительно бросил Бенкендорф и, не получив ответа, отправился пройти.

Он впервые видел усадьбу Дуниной днем. Тут бы надо сказать что-нибудь патетическое. Но ни яблоневые сады до самой Мжи – ровные ряды плодовых деревьев, сбегавших по пригоркам к берегу и летом клонившие ветки над водами, – ни целая череда оранжерей, стеклышки которых запотели изнутри от дыхания сотен апельсиновых деревьев, ни каретные сараи и конюшни на эскадрон лошадей сейчас не понравились генералу в свете услышанного от хозяйки. Вот он же будет морочить бабе голову! Хотя бы потому что ей самой это нравится.

Катание закончилось весьма неожиданно. Стоило саням вывернуть на центральную аллею, засаженную буковыми деревьями и ведущую к парадному входу в дом, как невеста откуда появились два лося. Сохатые шли через парк в неоправданной надежде выбрести к родному лесу. Вероятно, они протопали по льду с противоположной стороны реки, где в отдалении серой стеной маячил ельник. Смотреть на диво высыпала вся дворня. Раскрасневшиеся бабы-прачки с закатанными рукавами, мужичье с оглоблями в руках, вечно вертевшаяся под ногами ребятня. Ни клубы пара, вырывавшиеся из поварни, ни всеобщее ласковое приставание не смущало гостей. Они стояли, как две громадины, терпя любопытных, пока Елизавета Андреевна – оказывается, она никуда не ездила! – не вышла из дому с деревянным ведром и не начала рассыпать у крыльца квашеную капусту.

– Лось, он соль любит, – рассудительно заявил кто-то в толпе.

Тут подъехали и пестрые сани с гомонящей толпой гостей. Но даже скрип полозьев, храп и топот лошадей, почуявших зверье, не оторвали сохатых от трапезы. К ним подступили новые любопытные. Трогали за теплые шерстистые бока, касались рогов, трепали по загривку. А ведь один удар длинной, несуразной ноги – и поминай, как звали!

Шурка тоже подошел. Он любил лосей, потому что они были нескладными и, несмотря на грозные рога, имели добрейший вид – может, из-за толстых носов и отвислых губ? Вместе с десятком рук его ладонь тоже коснулась горячего бока, потом похожего на кочку с болотной травой загривка. Звери ничего не замечали, уписывая капусту со снега. И вдруг... Бенкендорф ладонью почувствовал дрожь, прошедшую под кожей животного. В следующую минуту сохатый бросил жевать, поднял голову и ломанулся сквозь толпу прочь. За ним поспешал другой. К счастью, люди вовремя успели отскочить. Только пара баб, шедших с реки с полными ведрами, были отброшены в сторону, в снег. Но без смертоубийства.

Звери мчались, проламывая наст, не разбирая дороги, точно их кто-то напугал. Они скатились с берега на лед и на разбегавшихся ногах понеслись к далекому лесу.

– Эх, жаль, ружье далеко! – услышал Шурка полный досады голос. На крыльцо вышел Роман Романович Шидловский в бобровом тулупе и картузе с козырьком поверх вязаной шапочки.

«Чтоб тебя!» – рассердился генерал. Было очевидно, что звери испугались именно его.

– У меня близ Норовки охотничьи угодья, – продолжал Шидловский. – Кабаны захаживают, не то что лоси. А лис, волков, медведей – не счесть. На зайцах в лесу поскальзываешься. Колоды с медом – хоть бы и вашего роста человек – упадет, потонет.

Это прозвучало почти угрожающе, но Бенкендорф пропустил хвастовство мимо ушей. Будет он еще отвечать, когда к нему первым обращается отставной прапорщик!

Внимание генерала привлекла Олёнка, стоявшая чуть в отдалении и сосредоточенно ковырявшая в носу. Ее возили кататься, но не мать, а развеселые тетки – дочери Дуниной – со своими детьми. Теперь все повалили в дом, а маленькая Бибикова ждала, когда кто-нибудь выйдет за ней.

– Чего стоим, ворон ловим? – осведомился Александр Христофорович, беря ее за руку. – Замерзнешь.

Олёнка очень легко отдала ему ладонь, но в дом не торопилась.

– Бачив який дядька? – спросила она. – Зараз лошадок напугав.

– Каких лошадок? – не понял Бенкендорф.

– С рогими.

Речь шла о лосях. А что за дядька, генерал даже не усомнился. К ним подошла рассудительная Катя и тоже взяла сестру за руку.

– Она еще сопливая, – со светскими, извиняющимися нотками произнесла старшая мадемуазель Бибикова. – Толком русского языка не помнит. Как здесь говорят, так и лопочет. Пойдем, кулёма. – Катя потянула младшую за собой.

– Ни, – Олёнка помотала головой. – Там дядька. Страшный. Бачила, як лошадики убежали?

– Чем же он так страшен? – Бенкендорф присел на корточки.

– А у тоби нос довгий! – рассмеялась Олёнка. – За им зверушки ходят. Яких он постріляв. И людины.

Шурка почувствовал, что у него по спине пробежал холод.

– Слушай, барышня, – сказал он серьезно. – Сейчас за многими караваны ходят...

– Ни, – по-прежнему весело отозвалась Олёнка. – Тоби не шукают. Тоби отпустили.

Прежде чем меньшая мадемуазель Бибикова продолжила выдавать секреты вселенной, Катя с отчаянием выкрикнула:

– Да замолчи же! Нас и так считают... Ты невозможная!

Олёнка зашмыгала носом. Ей было досадно, что она расстроила сестру. Но девочка решительно не понимала, почему окружающие шарахаются от самых простых вещей.

– Ты, между прочим, обещал нас катать! – тоном судебного обвинителя заявила Катя. – А сам проспал!

«У меня были уважительные причины».

– Катай сейчас!

Интересно, почему от господина Шидловского они ничего не требуют?

* * *

История с лосями закончилась к обеду. Прокатав на горке дочек госпожи Бибиковой, генерал опоздал на полтора часа, и гости благополучно откушали без него. Зато Елизавета Андреевна устроила девицам головомойку за то, что, не спросясь матери, отлучились с чужим человеком. Хотя она отлично знала, где они, и даже послала горничную приглядывать из-за угла сарая.

– Лиза, накорми этих оглашенных! – Хозяйка усадьбы, видимо, считала вполне безопасным, если гость будет «морочить голову» детям, а не самой племяннице. Тут она глубоко ошибалась.

Елизавета Андреевна не стала сажать вновь прибывших за опустевший стол, с которого девки уже убрали посуду.

– Вы все втроем мокрые, как будто просидели в сугробе! – неодобрительно бросила она. – Ступайте, переоденьтесь и спускайтесь в буфетную. Там накрою.

Девчонки побежали в свои комнаты, бросив мокрые валенки на пороге и топоча по холщовым дорожкам вязаными носками с мерзлыми катушками снега. Александр Христович в раздумье снял насквозь мокрую шинель. Куда ее?

– Дайте. – Госпожа Бибикова стояла за спиной. – На печку положу. Пусть ваш денщик потом возьмет.

Они очутились друг против друга в полутемных сенях. Окно на улицу было заставлено деревянным щитком, чтобы не задувало.

– Зачем вы это делаете? – Ее подбородок уперся ему в грудь. – Они маленькие. Привяжутся, потом будут плакать.

– А вы? – Бенкендорф попытался ее обнять, но Елизавета Андреевна ушла из-под руки.

– Мои слезы никому не помеха.

В этот момент в сени ввалились тоже мокрые, раскрасневшиеся и веселые Катерина Шидловская с капитаном Меллером. Оказывается, они катались на другой стороне горы, где круче.

– Блестящая идея! Я лет с тринадцати на ледянке не сидел! – сообщил барон. – Нас уже ругают?

– Не очень, – флегматично бросил генерал. – Вернее, на вас уже махнули рукой. Конечно, вы нарушаете правила. Но...

– Но, но, но, – сорвался Закамельский, – меня вчера восемь «тетушек» в гостиной ели, как крокодилы жертву. Медленно, по кускам. «А почему вы отвергли мадемуазель Ольшанскую? А отчего ваш выбор пал не на девицу Бекетову?» Я тех мамзелей в глаза не видел!

Катерина насупилась.

– И видеть не хочу! – капитан приобнял невесту и, не смущаясь постороннего, чмокнул в висок, с которого съехала лисья шапка. – Кормить нас будут?

– Велели идти в буфетную.

Бенкендорф не стал распугивать молодых гневным напоминанием о приличиях. Слишком откровенным и бесстыдным было их счастье. Он поднялся к себе в комнату, где Потапыч уже продрал осовелые глаза и таращился на белый свет, не понимая, сколько времени.

– Обед проспал! – беззлобно сообщил ему барин. – Надеюсь, есть что сказать? – Он знаками потребовал чистой сухой одежды и, пока унтер, кряхтя, выдавал то рубашку, то панталоны, наставлял Потапыча на путь истинный: – Я тебя послал, не чтоб ты пил, а чтоб слушал...

– Я слушал, – ворчливо огрызнулся Потапыч. – Уши развеся. А они тем временем надергались наливки и давай хозяев честить.

– И?

– Барыня уже не так богата, как говорят. Ее земли Роман Шидловский со всех сторон зажал. У него заводы дают по восемьсот ведер горячего вина в год²¹. А у других по пятьсот... Как женится, оттягает у братьев дворец в Мерчике, будет там жить. Одного боится: девчонка у Бибиковой хвоя. Что если и другие дети будут, – Потапыч повертел у виска пальцем, после чего запустил всю пятерню в волосы и поскреб их с таким остервенением, будто там засел батальон невидимых французов.

– Не чешись, – взвыл генерал. – Сколько раз говорено! В приличном доме!

– Нет у вас приличного дома, – огрызнулся денщик. – Как заведете, я мигом брошу.

Барин отвернулся к окну, чтобы не чертыхаться.

– Так вот, – гнул унтер. – Здешние помещики на заводы и мельни из своих крестьян нанимают. За процент муки или вина. А в прошлом году Роману двойной прибыль вышел: он пригнал откуда-то из Сибири отходников. Так они совсем за гроши согласились. И свои же крестьяне Роману петуха хотят пустить. Ведь им-то убыток.

– Интересная теория.

– Чегось?

– Дальше.

Потапыч зевнул.

– Спекси я, барин, – признал он. – Отсеяя ничего не помню. Может, если посплю...

²¹ Горячее вино – водка, которую гнали из зерна и часто продавали неочищенной. С работниками расплачивались процентом готовой продукции, которую те пристраивали сами.

Бенкендорф махнул рукой. И без того любопытно.

Унтер улегся на свою шинель в углу и, уже засыпая, пробурчал:

– Чудной народ! Подумаешь, соплюшка мертвяков видит. Да шарахнуть раз колоколом...

Генерал подсочил к нему и, напугав до одури, схватил за грудки.

– Каким колоколом? Потапыч, каким колоколом?

Денщик снова всколыхнулся и сел, мотая головой.

– Известно, каким. Медным. Церковным.

– Говори! Что я из тебя слова тяну?!

– Ну так, понятное ж дело. Все дети, как подрастут, начнут друг друга байками страшить. И самым чер-те чего видится. Тут мать смекает, пора вести на колокольню. Даст звонарю денежку. Подымутся на самую что ни на есть верхотуру. Глянь, дитятко, туда-сюда. А звонарь тем временем сзади ка-ак жажнет! Главнo-делo за руку мальчика держать. Чтoб от испуга не сиганул с колокольни. А как придет в себя, вся дурь-то из него и вышла.

Генерал немедленно вообразил Меллера на колокольне.

– И где так делают? – осведомился он.

– Да у нас под Тверью. И под Ростовом. Я думал, везде.

К столу Бенкендорф спустился сильно озабоченным. Олénка была мала для подобных экспериментов. Судя по рассказу Потапыча, тверским ребятишкам колокол помогал попозже. Но что делать? Поговорить с Елизаветой Андреевной? Сама испугается.

В буфетной за раздвижным столом, покрытым белой крахмальной скатертью с богатейшей красно-черной вышивкой по краям, уже сидели «пан и панночка» – будущие Меллеры. Но они были настолько поглощены друг другом, что их можно было тыкать вилкой, все равно бы не отозвались.

Девчонки болтали в воздухе ногами. Мать разливала им по тарелкам дымящийся рассольник.

– Опять опаздываете, – с укоризной сказала она.

Бенкендорф сел, и когда ее рука с половником зависла над его тарелкой, наградил Елизавету Андреевну поцелуем в запястье. Та чуть не выронила поварешку от негодования. Хорош кавалер! Что дама должна держать? Цветы, подарок, любовное письмо...

– Вы ужасны, – сообщила госпожа Бибикова. Она хотела бы добавить: «Я не давала вам повода...» Но не могла. Повод был дан. Она вдруг поняла, что этот человек с каждым разом будет захватывать все большие и большие прав. Что он очень уютно чувствует себя вот за таким столом. И никуда не уйдет.

* * *

Когда обед закончился и госпожа Бибикова увела детей, генерал повернулся к Меллеру-Закамельскому. Тот сидел, откинувшись, и мечтательно смотрел в одну точку. Катерину Николаевну позвал отец, и жених впал в блаженное оцепенение.

– Мне нужна ваша помощь. – Бенкендорф несколько раз щелкнул перед носом капитана пальцами. Но не прежде добился ответа, как, подойдя к рукомойнику, набрав в горсть воды и брызнув в лицо счастливец.

– Весь к вашим услугам, – машинально отозвался тот.

Пока генерал излагал дело, барон несколько раз терял нить, но когда краткий план операции обрисовался, проявил неожиданный интерес.

– Я тоже пойду. Ну, на колокольню. Я вам говорил о контузии.

«Господи, почему наши звонари не лечат от заикания?»

– Сейчас дети спят. Часам к пяти их оденут и выведут гулять. Попросите Катерину набиться в провожатые. Олёнку надо заманить на верхотуру.

«Понял, понял», – закивал Меллер. Он не был уверен, что сумеет объяснить мадемуазель Шидловской происходящее. Но чувствовал, что, по его просьбе, она сделает. Лишь бы жених был доволен.

Звонарю Шурка посулил рубль серебром, если шарахнет как следует. Дитина был удивлен: местные отродясь так не поступали. Но смекнул: ежели барская девчонка исцелится, к нему толпами повалят мамыши из окрестных деревень, и тогда меди не будет перевода.

Меллер с невестой поспели вовремя. Но вели обеих сестер Бибиковых.

– Я тоже хочу на колокольню, – заявила Катя. Сути происходящего она не знала, а хотела посмотреть окрест.

«А, двоих сразу, – махнул рукой Бенкендорф. – Для страховки».

Беспечно болтая, они начали подниматься по лестнице. Ступеньки были крутыми, потолок низким, а стены узкими. Девчонок нельзя было взять на руки, и приходилось всю дорогу развлекать их рассказами, как гоняли французов и сколько их потоплю. Катя слушала с людоедским удовольствием. А Олёнка вдруг заплакала:

– Жавко усих.

«Сердечко доброе!» Они почти пришли. Верхняя площадка, где висели колокола, была открытой. Ветер продувал ее насквозь. Звонарь изготовился.

Шукра сжал руку Олёнки и махнул дитине. Меллер тем временем схватил Катю за плечи. Удар был такой, что оба взрослых чуть не сверзились вниз от страха. Уши заложило, как если бы девятифунтовая пушка выстрелила в сажени от них. Боже, храни артиллеристов!

Девчонки заорали. Но их крика никто не услышал. И первые – они сами.

Раньше всех пришел в себя Меллер. Его тряс за руку привычный к делу звонарь, требуя воздаяния за труды. Барон помотал головой, удостоверился, что Катя на месте, только ревет. А у Олёнки носом идет кровь.

– Я не знаю, что нам скажут мать и бабушка.

Александр Христофорович и представлять боялся.

Вопреки ожиданию, гости были отвлечены домашним фейерверком на склоне горы, ниспадавшей к Мже. А Елизавета Андреевна, как всегда, упиралась на кухне, командуя оравой девок из деревни, призванных месить господское тесто. Завтра предстояло печь столько пирогов, чтобы потом есть до Великого поста.

Про колокол сказали, будто на ветру оборвалась веревка, но звонарь успел вовремя поймать расходившийся язык.

– Ах, негодник! – всполошилась Мария Дмитриевна. – Я ему, злодею, кожаных вожжей посылала, чтобы не перетерлись. Так нет! Все подвязывает ветошью! Да я его теми же вожжами...

Бенкендорф с Меллером переглянулись, отлично понимая, кого госпожа Дунина захочет взгреть вожжами, если история откроется.

* * *

Но до ночи было тихо. Видать, девчонки молчали. Потапыча барин снова уснул к прислуге со штофом наливки. И улегся в кровать, ожидая чудес. Елизавета Андреевна его обломала.

Неужели он так самоуверенно вел себя в сених и за столом?

Утром все обнаружилось.

– Что вы сделали с моей дочерью? – бесновалась вдова. – Я всю ночь не могла выйти из детской. Она поет басом!

Шурка был обескуражен.

– А покойников видит?

– Каких покойников? Ей-богу! Злодей! Враг рода человеческого! Навязался на мою голову! Еще в Мокром надо было вас выгнать! – Женщина рыдала.

– Мадам, – у дверей господской половины появился как всегда веселый и румяный Роман Романович. – Что стряслось? Вышей дочери опять худо?

«Да уйди же ты, бобер бесхвостый!»

Шидловский очень по-хозяйски попытался обнять Елизавету Андреевну. Шурка чуть не взревел, как кабан, и не кинулся на соперника. Но дама повела плечами, отстраняя руки жениха. И одним этим движением восстановила равновесие. Казалось, ей никто не нужен: она смотрела на Олёнку, которая, выйдя из детской, совершенно спокойно прошлепала мимо Шидловского, намереваясь спускаться в сени, откуда дверь вела в нужник. Только Катя поняла ее взгляд.

– Ничего! Мама! Ничего! – старшая барышня Бибикова кинулась к матери в объятия.

Та засмеялась и подхватила дочь.

– Пусть поет, – от сердца у нее отлегло. – Все лучше, чем... Гораздо лучше!

К шапочному разбору явился Меллер и сильным голосом сообщил Шурке на ухо:

– Как рукой сняло. Никаких теней. Вашему денщику надо памятник ставить.

– Монумент. – Бенкендорф был зол. Его обругали, несмотря на общее счастье.

Елизавета Андреевна обернулась к нему через плечо. Поймала взгляд. Но не опустила глаз. Ее лицо из радостного стало серьезным. Она ссадила Катю на пол и подошла к генералу.

– Я запрещаю вам. Вы не смеете что-либо предпринимать в отношении моих детей. Никогда. Слышите? Даже самое лучшее. Без моего ведома. Никогда.

Авентюра третья. Ольденбургские выселки

В Ярославле находилась тогда великая княжна Екатерина Павловна, принцесса Ольденбургская, только что разрешившаяся от бремени. Генерал Винценгероде приказал извещать ее прямо обо всех неприятельских движениях.

А.Х. Бенкендорф. «Записки»

Начало сентября 1812 года. Ярославль.

Ветер с большой реки – теплый и сильный – буквально выдувал всадников из седел. Бил в грудь и не давал устоять на месте. Лошади плясали, норовя сами, без понукания, спускаться с холма.

Два офицера, въехавших на набережную – только перед войной приведенную в порядок и опять развороченную – увидели бесконечные хвосты телег, толпы беженцев, уже успевших завшиветь и покрыться непристойной грязью. Ничего нового. Эти картины с завидным однообразием повторялись от самого Малоярославца. Теперь война докатилась и до Волги. Пусть не сражениями. Но горем. Кровью. Бинтами. Вспоротыми кишками армии.

Жители попрятались по домам, мимо которых текла другая река – серая, вздыбленная, голодная и злая. Кто мог, помогал. Но большинство просто онемело от ужаса.

Впрочем, нашлись и те, кто не растерялся. Александру Христофоровичу несколько раз показали на набережную, как на местопребывание генерал-губернатора²². Нашел кабинет!

²² Принц Петер Фридрих Георг Ольденбургский, супруг великой княжны Екатерины Павловны, генерал-губернатор Твери, Ярославля и Нижнего Новгорода. Александр I, желая накануне войны закрепить за Россией порты немецкого княжества Ольденбург, выдал сестру замуж за наследника ольденбургского престола. Принц Георг успел кое-что сделать для строительства в России дорог и каналов, прослыл хорошим администратором в своем наместничестве, где развернул широ-

Беднягу рвали на части. Требовали распоряжений. Поминутно потрясали новостями. И дергали, дергали, дергали.

Пока его высочество в сопровождении целого клана чиновников сам не врезался в курьеров, Бенкендорф и Волконский топтались на месте, не в силах выкрутить лошадей из водоворота повозок, рыдванов, тарантасов...

– Рат фидеть фас, госпота!

Принц был без шляпы, жиденькие волосы липли от пота к голове, залысины от висков прогрызли дорожки чуть не до темени. Худоба обозначилась еще явственнее, чем раньше, а бледность пожрала лицо целиком, не оставив румянца на щеках. Кой черт занес его в Россию? Здесь он сразу постарел, минуя зрелость. Однако в движениях Георга обнаруживалась уверенность, передававшаяся окружающим.

– Ваше высочество! – полковник отсалютовал. – Мы посланы от генерала Винценгероде с уверением в том, что дорога на Ярославль перекрыта Летучим корпусом...

Принц замахал рукой, как бы прося извинения за то, что вынужден прервать вестового. Ему в локоть вцепился пролезший под двумя телегами полицмейстер.

– Георгий Петрович!

Откликнувшийся на это имя худосочный отпрыск Ольденбургского дома вытянул подчиненного из-под оглобли.

– Дворянское собрание, что вы велели под госпиталь... нет уж места. В саду кладут. Ничто. Погода жаркая. Но уже под завязку...

Принц ненадолго задумался. Прижал руку ко лбу. А потом снова повернулся к полицмейстеру:

– Тех, кто мошет хотить, отпрафляйте на баршу. Ф Самару поестут. Тяшелых не трогайте. Расберите, мошет, хто помер, место осфоподилось. Да, голупчик, сапретите сакапы-фать в горотском саду. Сараза пудет. Фесите ферсты за три, в лес...

Тут же подбежал еще кто-то. Городской голова, квартальные, какие-то столоначальники из правления, временно решавшие все на свете и не знавшие, куда голову преклонить.

– Бешенцев больше не селите на постоянных кфартирах, – бросал им принц. – А купсам скашите, нет у нас теперь сфоподных от постоя. Та што са нисось? Как они могут не пускать? Моим именем прихросите, торг сакрою. На фсю гупернию ослафлю. И нашинайте отпрафлять барши. Плотней набифайте. Штобы порошними не отхотили. В Нишнем корошо принимают...

Принц говорил по-русски очень неправильно. Но бегло и без стеснения, обеими руками помогая себе выразить нужную мысль. Бенкендорф уже знал, что этот полуобморочный обладатель ольденбургских высепок весь Ярославль превратил в один большой госпиталь, где, наконец, и приткнулись о камень телеги с ранеными, катившие аж от Бородина.

– Нам тут не татут слофо молфить, – обратился принц к вестовым. – Фы поесшайте фо дворес к феликой княшне. Федь дело к ней, не ко мне.

Молодец. Зрил в корень. Не заносился. Не требовал формальностей.

Его опять схватили и завертели. Покатали дальше по набережной. Большущие сапожищи принца застучали, удаляясь. Он утопал в них, подобно императору Павлу. А мундир, точно сшитый на другого, более статного человека, утягивался ремнями так, что на спине стоял горб.

– Георгий Петрович! – окликнул его полковник.

Принц обернулся на ходу.

– Я не поздравил вас с рождением второго сына.

Хмурое лицо ольденбуржца просияло.

– Феселый бутет парень. Ротится ф такое фремя!
И пошел себе дальше, отмахивая руками и даже чуть ли не насвистывая.

* * *

– Значит, вы оставили Москву?

Великая княжна²³ смотрела на гостей так, словно они головой отвечали за решение Кутузова.

– И вы смеее показываться на глаза порядочным людям?

Екатерина Павловна сидела в большом полукруглом зале, распахнутые окна которого выходили в сад. Слабый, не приносивший облегчения ветер чуть заметно двигал бумаги на столе. Но она всякий раз успевала удержать лист, когда тот намеревался спорхнуть на ковер.

– Это письма, – царевна сумрачно смотрела на офицеров. – Ко мне вызывают *со всей России*, – последние слова она выделила голосом. – Люди в панике. А я? Что я могу? Кроме просьб и жалоб венценосному брату?

Она могла многое. А делала еще больше: пожертвовала полтора миллиона, сформировала целый батальон из своих крестьян. Переписывалась с половиной гражданских и военных чинов. Вызывала неизменное восхищение соотечественников и выражала самые честные и самые бесполезные их чувства по поводу войны.

– Итак, моего брата проклинаяют?

Гости переглянулись. Они не были готовы к подобному вопросу. Еще менее к ответу на него. Голос великой княжны звучал гневно и утвердительно в одну минуту. Было видно, что сестра государя всем сердцем хочет защитить своего Ангела²⁴ от нападков, но уже заранее соглашается с их справедливостью. Похоже, Екатерина Павловна ожидала, что и сейчас услышит скулеж сквозь сцепленные зубы. Жалобы, готовые прерваться рычанием. Даже лязг клыков. Всю жизнь проведя с волками, она искала на лицах прибывших офицеров следы знакомых страстей. Но те молчали.

Друзья подъехали к губернаторскому дворцу со стороны сада. Розы засохли на корню, траву выжелтил зной, в воздухе кружились коричневатые, свернувшиеся трубочкой листья. Их уносило за чугунную ограду и бросало на воду, чтобы вместе с перегруженными баржами гнать неведомо куда. Из головы не шла мысль о том, сколько народу перемрет по дороге и будет скинуто в Волгу. Если француз придет и сюда, мертвые руки потянут его на дно.

Желтое видение дворца надвинулось из вялой зелени сада. На пандусах, обнимавших газон, красовались чугунные фонари с цепями. Бенкендорф подумал, как приятно и весело здесь бывало по вечерам, когда зажигали лампы и красноватые гравиевые дорожки озарялись отблесками, а стволы лип дробили свет, даря гуляющим крошечные закутки тени. Ах, всегда-то ему в голову лезло одно и то же! Невесомые дамские платья. И укромные местечки, где этими платьями можно пренебречь.

Впрочем, великая княжна Екатерина Павловна никак не соотносилась с подобными мыслями.

– Почему вы не отвечаете мне?

Хозяйка здешних мест, не вызывая трепета, в трепет повергала. Она встретила вестовых в кабинете мужа, что уже говорило о многом. Для дамы, только что разрешившейся от бремени, Екатерина Павловна выглядела на редкость бодрой и решительной.

²³ Екатерина Павловна (1788–1819) – великая княжна, сестра Александра I. Считалась одной из самых умных сестер государя, обладала властным, взбалмошным характером, мечтала повторить путь своей бабки Екатерины II. Для этого искала помощи видных военных деятелей. Известен ее роман с П.И. Багратионом.

²⁴ Наш Ангел – семейное прозвище Александра I.

– Вы хотите сказать, что дорога на Ярославль закрыта? Так же как она была закрыта на Москву?

Презрительная усмешка тронула ее губы. Вызов был в лице, в позе, в голосе. Но Шурка так устал, что не воспринял упрека.

– Скажите мне вы, воспитанник моей матери. Ради всего святого, что задумал государь?

Как будто император перед ним отчитывается!

– Вас лишили чести. Прогнали, как собак со двора. А вы молчите! – в бессильном гневе воскликнула царевна.

Бенкендорф очень не хотел ехать сюда. Слишком много разного знал об этой молодой женщине. 15 августа, когда государь покинул Москву и через Тверь возвращался в Петербург, флигель-адъютанта вызвали из Летучего корпуса – для бешеной собаки сто верст – не крюк, и на время вернули в свиту. Загадки не было. Во время встречи с сестрой Ангел желал иметь возле себя близкого августейшей семье человека. Бенкендорф присоединился к царскому поезду в трех верстах от города. И уже в его сопровождении император вступил в покои Екатерины Павловны. Разговор не мог быть легким.

Моя самая большая заслуга в том,
Что я не испугался красивейшего из соперников.

Строки этого мадригала, написанного принцем Георгом в день обручения, звучали в ушах Александра Христофоровича, когда «красивейший из соперников» шел впереди.

Преодолев страх, я в радостном упоении
Благодарю его за мое семейное счастье...

Издевался?²⁵

Тверской путевой дворец, выстроенный еще в начале прошлого века, а потом переделанный при бабушке Екатерине в новом вкусе, сочетал барокко флигелей с классической строгостью фасадов. С тех пор как принца Георга отправили в нечерноземные глубины отечества, а его супруга стала генерал-губернаторшей, льстецы уверяли, будто Тверь превратилась в «третью столицу России». Сам государь именовал здешние сестрины вертограды «маленьким Петергофом». И бывал так часто, как только мог. Почти ревнуя круглолицую Минерву к мужу.

Не он один. Бонапарт тоже не простил бедняге Георгу уведенную из-под носа невесту²⁶. Буквально перед свадьбой в *своем кругу* смеялись над перлюстрацией письма французского посла Коленкура: «Жених – ничтожество. Он мал ростом, прыщав, косноязычен. У него непрекращающийся понос. Царевна в ужасе».

Но что делать? Крепиться и произносить гордые фразы? «Лучше последний истопник, чем корсиканское чудовище». С ними она и вошла в историю. Были слезы. Упреки венценосному брату. Пощечины жениху. Но ничто уже не могло изменить выбора. Порты Ольденбурга казались важнее, чем счастье сестры. Да и не в принцах счастье. Чем незаметнее избранник, тем естественнее тяга к истинной любви.

²⁵ Современники считали, что Александра I и его сестру связывали чувства более сильные, чем родственные.

²⁶ После подписания Тильзитского мира 1807 г. Наполеон намекал Александру I, что не прочь жениться на одной из его сестер. Называли Екатерину Павловну. Русский царь уклонился от этой «чести», заявив, что судьбу сестер в семье решает вдовствующая императрица. По слухам, великая княжна была готова принести себя в жертву политике и отправиться в Париж, но брат выбрал ей другого мужа.

Говорили всякое. И что Ангел переодевался в ее платье. И что посещал опочивальню. И что страсть, основанная на внешнем сходстве, больше отдает нарциссизмом, чем кровосмешением. Шурка всегда молчал. Ему бы не простили лишних слов.

Он вступил в покои Екатерины Павловны следом за государем и встал у двери. При виде брата ее высочество порывисто вскочила с дивана. Атлас обивки жалобно скрипнул об атлас платья.

– Мой Бог, Александр! Что, что я вам говорила? Он пришел. Он не мог остановиться. Этот человек – Зверь.

Как всегда о Бонапарте. Государь стремительно прошел через комнату, знаком удержал готового склониться к руке принца. Подхватил сестру, намеревавшуюся лишиться чувств. Обычно она бравировала решимостью. Упрекала брата в недостатке твердости. Хотела вести его. Получать отчеты и разъяснения. Вдохновлять на великие дела.

– Ваше бездействие, вечные колебания подтолкнули Бонапарта! Вы почти оправдывались перед ним.

– Като. – Его Величество взял сестру за руки и усадил обратно на диван. – Прежде всего, здравствуй.

Они поцеловались. Бенкендорф мог видеть, как бездвижные губы царевны не ответили на братский привет.

– Ваша нота по поводу Ольденбурга, какое убожество! Вы лебезили перед узурпатором.

Первое, что сделал Бонапарт, прежде чем вступить в Россию – оккупировал владения бедняги Георга и присоединил их к Франции. Всем казалось, что император французов мстит и капризничает. Но то был шаг продуманный и предпринятый с холодной головой. Порты. Русским негде базироваться в Европе. Ангел вывел из игры Турцию и Швецию²⁷. Бонапарт ответил Ольденбургом. Партия началась.

Наши дипломаты дуэлировали с французскими. Всем все было ясно. Кроме великой княжны.

– Я нарочно привез к вам полковника Бенкендорфа, – с легким укором молвил император. – Его брат Константин дрался за вашу честь в Неаполе и был ранен.

Екатерина Павловна одарила флигель-адъютанта царственным взглядом.

– Благодарю. – На ее лице мелькнул минутный интерес, но тут же погас. Она снова повернулась к Ангелу. Сейчас ее занимал только он.

Был бы Шурка один на улице, плюнул бы под ноги. Константин дурак. Позволить продырявить себя, ради снисходительного кивка? Уже завтра царевна не вспомнит его имя. Хотя... французы издевались над Россией, говорили, что притащат «ольденбургскую шлюху» в шатер к Бонапарту, чтобы тот поступил с ней, как «последний истопник»!

– Моя драгоценная сумасбродка, – государь взял в руки черную головку Екатерины Павловны и поцеловал в лоб. – Ты же видишь, я во всем слушаюсь тебя. Оставил армию, поехал в Москву, – голос Ангела звучал снисходительно. Негодующие взгляды великой княжны не могли его сбить. – Что за счастливые воспоминания нахлынули на меня при одном виде белых стен! Я плакал, как дитя!

– Вы должны были не плакать, а произнести речь, воодушевив всех. – Царевна вывернулась из братских объятий.

²⁷ Накануне войны 1812 г. был подписан мир с Турцией, обезопасивший Россию от нападения с юга. Кроме того, Александр I встретился и договорился со шведским наследным принцем Карлом Юханом, бывшим маршалом Наполеона Бернадоттом, о нейтрально-дружественной позиции северного соседа.

– Настроение народа возвышенно. Дворяне пожертвовали три миллиона. Купцы девять. Восемьдесят тысяч человек мобилизовано в ополчение. Большинство добровольно. Уверяю тебя, в Петербурге не будет и половины...

– Тверь даст столько же, – встрепенулся Георг. – Здешнее благородное сословие готово умереть...

Оба – и император, и его сестра – досадливо воззрились на третьего лишнего. Им не нужен был свидетель.

– Настроение в столице хуже, чем в провинции, – продолжал государь. – Мне надо торопиться. Ты знаешь, сколько набежало дел за время моего отсутствия...

– Не увиливай! – царевна вновь схватила брата за руки. – Ты не можешь уехать, как всегда ничего не решив. Кто назначен командующим? Ни в коем случае не бери на себя это бремя. Ты не умеешь внушить доверия солдатам.

Ангел поморщился. Бестактность сестры нельзя было объяснить ни близостью, ни откровенностью. Да, он не воин. Что ж в том беды?

– Я не предаю мужеству под пулями особого значение, – отчеканил император, – ибо доказал, подставляясь под них, как другие, что не трусливее любого из моих гренадер.

– Но все же вы уезжаете из Москвы! – воскликнул носатый принц, явно озвучивая слова жены. – Из города, который только и может стать сердцем народной войны. Я бы на вашем месте никогда не покинул Первопрестольную!

Вот. Они уже примеряли императорскую корону, полагая, что управлять всей страной не сложнее, чем Тверью. Губы Ангела тронула слабая усмешка.

– Друг мой, пусть каждый остается на *своем* месте. Поверьте, я с охотой откажусь от моего, как только увижу человека, способного трудиться лучше меня.

Ольденбуржец смутился.

– Вы опять уходите от ответа. Кто станет командовать? – прокурорский взгляд сестры уперся в лицо государя. – Барклай не годится из-за иностранного происхождения. Его подозревают в измене. Багратиона любят, но он тоже не русский...

– Но его примут с восторгом, – подал голос Георг.

«Каково же ее влияние, если она может заставить мужа хлопотать за любовника?» – Бенкендорф мысленно поздравил бабушку Екатерину с достойной внучкой.

– Ваш протеже, генерал-губернатор Москвы Ростопчин пишет мне о Кутузове, – проронил сквозь зубы государь. – В Петербурге и старой столице общее мнение за *этого человека*. Но признаюсь, мне тяжело сделать подобный шаг. Поражение под Аустерлицем – его вина.

Повисла пауза. Потом Екатерина Павловна вздохнула и покусала нижнюю губу.

– Вы все еще колеблетесь. – В ее заключении не было ни вызова, ни упрека. Только констатация. – Но примите же наконец какое-нибудь решение. Делайте что-нибудь.

* * *

Теперь эта властная пленительная женщина сидела напротив двух вестовых и искала в их лицах признаки скрытого недовольства.

– Вам следует сообщить мне прямо, каковы настроения в войсках. Опасно ли моему брату вернуться туда, чтобы поддержать свою честь?

Чего она хотела? Чтобы из Петербурга Его Величество примчался под Тарутино? Вытирать побитым воякам скупые мужские слезы? И чтобы они всем скопом накинулись на него в ужасе от собственной участи? Задушили, как батюшку?

Бенкендорф понимал, что его молчание сейчас, как никогда прежде, – золото. Екатерина Павловна хочет царствовать и уже воображает себя во главе народного ополчения. Каж-

дому из членов августейшей фамилии хоть раз выпадает шанс получить корону. Обычно его упускают. Даже не видят. Но царевна родилась зрячей. Ее час настал.

Она подошла к секретеру, откинула полированную крышку и вынула из общей стопки длинный конверт со сломанной сургучной печатью. Полковник узнал переплетенные инициалы «М. Ф.»

– Моя мать пишет, – угрюмо произнесла царевна. – Вы свой человек, и вам я могу это показать.

«Никогда не забуду тех минут, когда мы вступали в церковь. – Обычно твердый почерк вдовствующей императрицы прыгал, точно рука тряслась. – Мы шли посреди толпы, ни единым звуком не выдававшей своего присутствия. Можно было слышать шелест шагов. Я взглянула на государя, и мои колени подогнулись. Достаточно одной искры, чтобы гнев народа вспыхнул».

Да, без сомнения, после убийства мужа то был самый страшный миг в жизни Марии Федоровны.

– Я несколько раз писала брату. Требовала от него решительных действий, – царевна готова была ломать руки.

– Что же вам отвечает Его Величество? – осторожно осведомился Бенкендорф. Они уже были вдвоем. Волконский ретировался по знаку руки великой княжны. Без него собеседница расслабилась. Пригласила полковника сесть. Позвонила в колокольчик, спросила чаю.

– Слова брата всегда благородны. Но... – Она протянула другое письмо.

Не без колебания Бенкендорф взял конверт. Такое доверие надо оплачивать. А он пока не знал, чем? Что потребуют взамен за тайны, раскрывать которые Александр Христофорович вовсе не просил?

«Люди несправедливы к тому, кто попал в несчастье, – писал Ангел. – Я не исключение. Я всегда знал, что со мной такое случится, как только судьба перестанет быть благосклонной. Вспомните, они носили меня на руках. В самый день смерти батюшки, как они ликовали! Это ли не наказание? Неужели и Вы присоединили свой голос к тем, кто обвиняет и мучает меня?»

– Что вы ему написали? – не выдержал флигель-адъютант.

Екатерина Павловна пожала плечами, будто говоря: ничего особенного.

– Спасай свою честь. Умереть не страшно, страшно жить в позоре!

Зачем терзать сердце, которое и так истекает кровью?

– Я не могла больше сдерживаться и сказала все, как есть. – Екатерина Павловна всхлипнула. – «Недовольство крайнее. Вас винят в крушении империи. Судите сами, что происходит в стране, где презирают царя...»

– Вы угрожали ему революцией? – поразился Бенкендорф. Смелая женщина!

– А что еще может его подстегнуть? – с вызовом отозвалась великая княжна. – Наш народ готов на любые жертвы. С государем или без. Позор от потери Москвы возбудил мщение. Мой брат еще может спастись, приезд в армию вновь настроит умы в его пользу. Я хотела бы тысячу раз отдать жизнь, чтобы освободить его от подобного положения...

Царевна проговорила. Как когда-то ее муж, сказав: «На вашем месте». Александр Христофорович вздохнул. Теперь он знал, что отвечать.

– Правда за правду, мадам. Пребывание вашего августейшего брата в армии крайне опасно. Его ненавидят. Хуже – презирают. Нападкам нет конца. Всякое может случиться. Вам ли не знать?

Оба испытующе посмотрели в глаза друг друга, чтобы уяснить, одно ли и то же имеют в виду? Одно.

– Если вы действительно готовы жертвовать, ради брата, жизнью, не взывайте более к его чести и славе, не говорите о позоре. Не требуйте приезда в войска. Он достаточно умен,

чтобы не последовать подобному совету, – полковник выдержал паузу. – И чтобы заподозрить в вас личный интерес.

Екатерина Павловна откинулась в кресле и долго, без улыбки разглядывала собеседника.

– Вы верный друг, – наконец протянула она. – Друг моей матери. И слуга Его Величества.

Бенкендорф поклонился.

* * *

Он думал, что разговор окончен. Но ошибся. Предпринятый им выход из трудного положения восхитил великую княжну.

– Есть одна вещь, – сказала она, – которая может стоять моему брату короны.

Александр Христофорович сделал внимательное лицо. Уж разбирались бы сами!

– Вы знаете мою историю. Она известна даже чужим.

С таким достоинством говорить о собственном падении могла только королева.

– Я имела несчастье родить второго сына в тот самый день, когда князя Багратиона ранило осколком гранаты. Он умирает. У него мои письма. Поезжайте в Симы, найдите их.

Нет, на такое полковник не подписывался!

– Мадам, у меня приказ явиться...

– Вы не понимаете всей серьезности, – повелительным тоном прервала царевна. – Князь тысячу раз клялся мне, что уничтожил их. Но, зная его характер, я не верю словам.

«Еще бы! Ваши письма для него – охранные грамоты».

– В этих бумагах много лишнего. Но главное – они могут скомпрометировать государя. Вообразите, если мои признания попадут в руки французов. Что весьма вероятно в суматохе, при отступлении.

И опять оба выразительно посмотрели друг другу в глаза: понимают ли? Понимают. Вряд ли в письмах политика. Кого сейчас интересуют бывшие интриги? А вот бывшие связи, да такие, что роняют честь хуже сдачи Москвы. Ангел будет скомпрометирован домашним кровосмешением. Ведь гуляла же по рукам его случайная записка: «Жаль, что я больше не в Твери и не могу, как прежде, закутать тебя одеялом и поцеловать перед сном твои ножки».

Сколько толков!

– Почему бы вам не послать кого-то из своих людей?

Царевна покачала головой.

– Вы читали томик стихов, которые мой муж написал мне в подражание Гёте?

Неожиданный переход. Да, он читал. У Марии Федоровны лежал на столе. Всего 50 экземпляров. Исключительно для своих. «О, только ты во мне пробудешь нежность и благородных помыслов порыв». Шурка не учил, само застряло:

Спешу в мой порт родной,
Тобой влекомый.
Стремлюсь к тебе
Туда, где вечно бьет родник
У дома нашего...

По-немецки звучало красиво.

– Вот видите, – великая княжна улыбалась. – Так вышло. Я его люблю.

«Есть за что».

– Он честен. Добр. Прямо. И я хочу быть с ним. У нас общие слуги. Если отправлю кого-то из них, он может ненароком узнать. Мне надоело доказывать... В прошлом году его высочество уезжал на строительство канала, я писала каждый день и истратила до пятисот листов. Он всем демонстрирует эту пачку. К счастью, не дает читать. Но, – она помедлила, – ему важно, чтобы знали: он любим.

Бенкендорф был тронут.

– Вас просит женщина. Не сестра государя. Не дочь вдовствующей императрицы. Помогите мне.

Сколько раз сказано: нельзя ловиться на подобные дешевые... Но вот он же верил в «родник у дома нашего». Немецкая сентиментальность.

– Хорошо. Вы должны мне их описать. Бумага. Цвет конвертов.

Полковник согласился. Хотя не имел для этого ни одной личной причины. И, когда Екатерина Павловна очень подробно по памяти воссоздала картинку, вплоть до первых строк, спросил:

– Вы ничего не прикажите *ему* передать? Если, конечно, застану живым.

Она смутилась. Несколько секунд молчала. Потом кивнула своим мыслям.

– Скажите то, что хочет услышать мужчина перед смертью. Он лучший. Самый достойный из тех, кого мне довелось знать.

Было ли это ложью? Лишь отчасти. Ложью сегодняшнего дня. Не вчерашнего.

* * *

Бенкендорф уехал еще до сумерек, оставив Волконского «при ярославском дворе» высыпаться.

Полсуток. Маленькое имение князей Голицыных на Волге. Даже не слишком богатое: барский дом не перестраивали с прошлого века. Народ показывал туда. Кланялся. Все спрашивал про Москву. Неужто и Ярославль сдадут? Что же это у государя за армия? До Волги дошли. Раньше о таких делах слухом не слыхивали...

– Кокой государь, такая и армия, – огрызнулся Шурка. – Зато вы раньше о татарах слышали...

В доме было полно народу из штаба армии. Все унылые. Ждали развязки. На требование проводить к *самому* пытались возражать. Мол, уже в бреду. Ни с кем не говорит. Антониев огонь в ране. Как узнал о Москве, вскочил с кровати и ну кричать. Потерял сознание. Насилу уложили. Отходит.

Последнее было правдой. Собоювали. Причастили. Разрешили от бремени земных грехов. А тут, как на зло, с этими же грехами в душу.

– Я от великой княжны Екатерины Павловны.

Подействовало как пароль.

Проводили. Спальня. Не суть просторная. Окна по жаре настезь. Князь Петр лежал на кровати, давно сбив легкое одеяло ногами. По временам стонал и уже ничего не понимал вокруг.

Бенкендорф приблизился.

Черные всклокоченные волосы, спутанные, свалевшиеся бакенбарды, нос заострившийся, точно у покойника. Губы искусаны до болячек. Свободной, здоровой рукой схватил наклонившегося к нему офицера за грудки. Силы-то еще!

– Как же можно отдавать такую добрую, такую хорошую родину?

Бредил. Вспоминал старый разговор с Барклаем.

– Я приехал по повелению ее высочества Екатерины Павловны.

Взгляд на минуту стал осмысленным. Князь уже не мог говорить. Только указал рукой на стол. Там были свалены портфели походной канцелярии. Не все, конечно. Самые важные. Бенкендорф отошел, взял черные коленкоревые папки в охапку. Вернулся к кровати и стал одну за другой показывать умирающему.

Две легли в сторону. На третьей Багратион запнулся глазами. Шурка расстегнул медный замочек в форме затейливой буквы «П». Князь Петр с усилием кивнул.

Странно было, что тот же человек, которого он когда-то чуть не растерзал в Молдавии за попытку сосватать Като Бонапарту – конечно, мнимую – теперь, по ее повелению, приехал за письмами.

Пачка, завязанная пестрым муаровым платком с легким ароматом грецкого ореха. Судя по весу, здесь не все.

Князь силился что-то выговорить. Александр Христофорович наклонился совсем низко, так что ухо почти касалось губ.

– В Петербурге. У Салагова. Не брал с собой.

Бенкендорф кивнул. Оставил у доверенного лица, у земляка. Сознание быстро покидало умирающего, но рот все еще шевелился.

– Отходит, – послышался рядом голос денщика, неизвестно как вошедшего в комнату. – Воздуху не хватает.

Не то. Полковник как мог, напряг слух. И впервые в жизни, еще до контузии, до глухоты, прочитал по губам.

– Люблю. Жаль...

Ему не пришлось лгать. Утешать и говорить, будто она тоже. Багратион еще шевелил губами, но уже без слов. Его набрякшие воспаленные веки были опущены.

Наконец, он весь вытянулся, внятно выговорил:

– Предали...

И, двинув назад по постели обеими ногами, отчего от бинтов поднялся смрад, затих. Дюжий корабельный канат души разрубили одним махом.

Денщик засутился, начал выпрямлять и прихорашивать тело, закрывая одеялом самое нестерпимое для глаз. Потом отошел к двери:

– Пожалуйте прощаться.

Бенкендорф вышел. Обратный путь занял у него еще полсуток. Он привез великой княгине печальную весть. Та вскрикнула, хотя и ожидала ее. Но не стала ни падать в обморок, ни рыдать прилюдно. Уронила край шали на пол и, волоча его за собой, пошла прочь.

* * *

– Потеряли! – Видно, принц, вопреки мнению жены, не считал Багратиона помехой своему семейному счастью и горевал искренне. – Есть ли в армии хоть один, способный его заменить? – Теперь Георг говорил по-французски. А вот на набережной стеснялся, ломал язык русским.

– Милорадович, Ермолов, Толь, Раевский, Дохтуров, Коновницын, Неверовский, Воронцов, – полковник готов был и дальше перечислять фамилии.

Но вернулась великая княжна.

– Прости, мой друг, – ее грустная улыбка предназначалась мужу, – мне необходимо еще побеседовать с флигель-адъютантом. – Она сделала Александру Христофоровичу знак следовать за собой и вскоре оказалась в уже знакомой полукруглой комнате. – Что вы знаете касательно моей матери? Уже распускают слухи о ее недостойном поведении. Будто она упаковала даже медные шандалы в Зимнем. Готовилась к бегству! А жена брата, – царевна поморщилась, – не стала собираться... Неужели правда?

Что правда? Шура разозлился. Упаковала она! Может, и упаковала.

– Мадам, у вашей матушки на руках не одни шандалы. – Его все-таки вывели из себя, и голос начал предательски дрожать. – На ней воспитательные дома, пансионы, сиротские приюты. Всех надо выслать, эвакуировать. Элизе хорошо, – Бенкендорф даже не заметил, что назвал супругу государя так фамильярно, – заказать себе чашку: «Я русская и с русскими умру» – и сидеть, сложа руки. Она ни за что не отвечает.

– Спасибо, – выдавила царевна. – А то уж я пала духом. Знаете, письма мамы, они действительно... мелочны.

О да. Он знал. Кутай горло, не забывай носки. Великая княжна протянула полковнику еще один конверт. «Я не понимаю, как беспорядочно прошла эвакуация из Москвы. Девиц из Благородного пансиона вывозили на простых телегах. Неужели нельзя было найти кареты?» Добрый старый фатерлянд с его штучными интересами! Но разве плохо, когда кто-то не теряет головы в самых крайних обстоятельствах?

– Что вы сделали с письмами князя Багратиона? – прямо спросил Бенкендорф.

– Сожгла. Немедленно.

– Там не все. Часть в Петербурге. У доверенных людей.

Ее высочество кивнула.

– Я напишу брату. Открыто.

– Надеюсь, о моей миссии...

– Ни слова. – Она уже взяла себя в руки и заговорила о другом. – Через пару дней я отправляю младшего сына к бабушке в столицу. Вечером ему разрешают несколько капель козьего молока. Георг сам его кормит. Хотите посмотреть?

От такой чести не отказываются.

Принц пребывал в дурном расположении духа. Дела на пристани шли не лучшим образом. Но чуть только внесли младенца, лицо отца прояснилось, он осторожно принял очередное высочество на руки. Малыш был большой, красный и горластый. Ему не нравилось отрываться от кормилицы, однако рожок с козьим молоком его утешил, и он стал дрыгать в воздухе толстыми пятками, ничуть не подозревая, в какой важной семье родился.

– Ваше высочество, – начал Бенкендорф, – вы намерены объявить осадное положение? Георг помрачнел.

– Я сегодня издал манифест к жителям, где писал, что никакой опасности нет и мы с великой княжной уедем последними. – Он помедлил. – Говорят, в Москве «забыли» десять тысяч? На мне такого греха не будет.

Его высочество страшно боялся госпиталей. И военных. Считал себя трусом. В детстве цыганка схватила на улице за руку: «Ты умрешь среди трупов! Среди трупов!» Потому так сильно не хотел надевать мундир. Пришлось. Зимой, когда русские уже наступали, но раненых не поубавилось, Георг, зайдя в лазарет, заразился тифом и, вспыхнув, погас за несколько дней. Ольденбург все еще оставался во власти Наполеона: «Моим детям я завещаю шпагу и доброе имя, потому что больше мне завещать нечего». Все удивлялись, что Екатерина Павловна, выйдя замуж против воли, почти помешалась от горя. Но те, кто видел принца и принцессу вместе, говорил, что и она заслужила глоток счастья. Жаль, короткий.

Глава 4. «Горячи наши блины»

Шурка не был готов согласиться с приговором госпожи Бибиковой. Сознание вины еще больше подхлестывало его напористость и упрямство. Ничего дурного он не сделал! Напротив. Помог. И хотел за это благодарности. А его мордой в грязь. Опять? Сколько можно!

Сказать по чети, ему очень «не личила» родня Елизаветы Андреевны. Бенкендорф никогда не мечтал войти в чью-то семью. Довольно с него и августейшей! Хотя принадлежать к огромному, разноликому клану, быть нужным, печаловаться о ком-то и принимать покровительство, наверное, хорошо?

Но Александр Христофорович по опыту знал, что такое железная хватка обеспокоенных твоей судьбой людей. Самое меньшее – они бестактны. А еще вернее – деспотичны в лучших намерениях.

Вдова не принадлежала ни себе, ни детям и не могла принадлежать мужу. Родня обступала ее стеной и поворачивала в ту сторону, в какую было угодно ясновельможной Марии Дмитриевне.

Кто он такой, чтобы мешать? Разве может предложить больше Шидловского? Или сам по себе – великое счастье?

Утро не задалось. Но не для одного Бенкендорфа. Проходя мимо хозяйкиных покоев, он услышал из-за двери кабинета:

– Никогда не видел такой монеты. Вы сомневаетесь в моем слове?

Даже голос у Романа Романовича был гладкий, округлый, не зацепишься. И все же на слух Александр Христофорович ему не поверил. Не поверила и госпожа Дунина. Что следовало не из слов, а из напряженного молчания за дверью.

Шурка поспешил поскорее пройти, ибо ненавистный «бобер» катился на кривеньких вялых ножках к выходу и рассержено бубнил под нос:

– У меня на заводах всякой твари по паре: и ляхив, и жидив. Отчего не быть сибирцам? Я им процент платил, не они от меня откупались! С роду таких страхолюдных денег не бачил!

«Вы, может, и не бачили, – подумал Бенкендорф, – но что-то знаете. Неспроста к вам хозяйка прицепилась».

– А коли хотите сведать, кто вас под монастырь подвел, – негодовал Роман, – то размовайте с моим братцем Мишаней. Которому вы разводное дело прикрыли.

Ожидаемый поворот. Шурка и не надеялся, что дело откроется просто. С одного пинка.

Приглашенные к Дуниной господа продолжали съезжаться, и после завтрака, часу в одиннадцатом, на яркий, аж глазам больно, снег выкатила вереница саней, волочившихся от самого Яготина под Полтавой. Этого Бенкендорф не ожидал. Его старые знакомые, родня Сержа – старший брат Николай Репнин-Волконский с законной супругой и никчемным родственником.

Вот какие люди здесь бывают! Полный генерал, бывший посол в Вестфалии и командир Саксонского оккупационного корпуса. Управляющий гражданской частью Полтавской и Черниговской губерний. Ныне в отпуску. Вкушает, так сказать, сладость жизни. Одно плохо – Серж не пристроен. В остальном существование не просто сносно – красиво, радостно и полнокровно. Чему и жена свидетель. Богатая, знатная, недурная собой, но скаредная и склонная к проповедям.

Отчего-то Шурка не любил эту пару. Может, потому что Серж вечно жаловался – де, заедает золовка. Все-то поучает в добродетели. А добродетели у братьев Волконских... Впрочем, они казались очень разными. Сам генерал – высокий, стройный, с лицом благородным и закрытым – очень походил на своего отца, оренбургского генерал-губернатора,

человека немереных придурей. Последние сыну не передались. А вот Серж, тот и кудрями, и губами, и загнутыми ресницами пошел в мать, но огреб все батюшкины самодурства полной гостью. Младшего из братьев в доме считали чуть не юродивым. Бенкендорфу сие было обидно, ибо не раз и не два сабля Бюхны удерживала рваную петельку его собственной жизни, готовую расползтись в дыру и поглотить раба Божьего Александра со всеми потрохами.

– Почему ты не в Киеве? – спросил он, подходя здороваться. – Ты же уехал к месту службы.

– Да завернул к брату... А там... Ну, словом...

Вечно он за себя не отвечал. Вечно позволял собой командовать.

– Тебе же не нравятся эти люди, – почти шепотом продолжал друг.

– Все ж родня.

Одно слово – Бюхна! Собственной персоной. Прошу любить и жаловать.

– Я молюсь, чтобы тебе в один прекрасный день досталась такая же жена, как твоему братцу. И они бы схлестнулись, – очень тихо сказал Бенкендорф. – А то оттягают у тебя и твою часть наследства, и последние деньги. Закончишь полоумным приживалом. При очень достойных родственниках.

Зла не хватало! Почему-то казалось, что любой может обидеть Бюхну. И родня – в первую голову. Ибо у самого Сержа головы не было, а они об этом знали.

Впрочем, расшаркиваясь с господами Репниными-Волконскими, генерал обнаружил столько светской любезности, что никто не заподозрил бы в нем недоброжелательства.

Дунина была рада и горда таким знатным прибавлением к гостям. Именовала их на старинный лад: Волхонскими – и, как оказалось, держала целый этаж пустым. Теперь те могли заселиться, ну и поместить никчемного родственника с собой, куда ж его девать? Шпынь!

С неблагоприятным взглядом на Сержа не согласились бы дамы и девицы, которые при виде очередного холостого мужчины тут же распушили перья. Обсуждать Меллера – от которого все равно никакого прока – им уже надоело. Бенкендорф смотрел только в одну сторону, и ему был вынесен суровый приговор. А это что за птица?

Только Мария Дмитриевна благодаря богатству жизненных коллизий сразу не залюбила младшего Волхонского, нутряным чутьем матери поняв – негодный жених. А их братские объятья с Бенкендорфом совсем похоронили Сержа в глазах хозяйки.

* * *

Тем временем девки и бабы под руководством Елизаветы Андреевны собрались в поварне, где еще с ночи поставили опару для пирогов. Все свободные чаны, тазы, ведра и кадушки были заняты тестом. Оно поднималось, как белое боярское тело, но его следовало пару раз «подмешать», прежде чем пускать в дело. К дворне присоединились сведущие в таинстве хозяйки, пришли деревенские помощницы, каждой из которых была обещана к домашним ржаным пирогам прибавка барских пшеничных сдоб с диковиной начинкой – северной ли рыбой севрюгой, чудным ли нездешним грибом...

Поварня была длинной, рубленой, с несколькими печами и широчайшими дощатыми полками, отполированными до блеска руками стряпух. На тех, что повыше, громоздилась покупная медная посуда – чайники, кастрюли, котлы, ручные мельницы, с роду ничего не моловшие. Эту огненно-рыжую красоту раз в год снимали с места, полировали и водружали обратно – слишком дорогая.

Горшки и корчаги на каждый день стояли пониже, с ними обращались по-свойски. Несколько баб, красных от жара, в рубахах с завернутыми рукавами, в платках с узлами на

лбу просеивали муку или раскатывали на столах огромными в три локтя скалками уже готовое тесто.

Поминутно хлопала дверь, в сенях сваливались в кучу нагольные тулупы. На сундук пластались, как блины, платки и шали. И под низкий потолок, отскобленный ножами от копоти, вваливалось развеселое пополнение.

Главной потехой было заманить мужиков – подмешивать тесто в особо больших кадушках – и перемазать их мукой. Этой забаве отводилось почетное место. А потому не было мимо поварни дороги ни прохожему, ни проезжему. Девки захватывали в плен любого, кто не сильно сопротивлялся, и вели к чану – покажи, на что способен.

Елизавета Андреевна лишь унимала свое раскрасневшееся воинство. Но навести порядок даже не пыталась. Пирог ждатель не будут! Есть все горады. Надо и саночки возить!

Первым благородным господином, которого заловили молодухи, был Николай Шидловский. Степенный предводитель сам напросился. Он отлично знал бабьи хитрости и не первый год «подмешивал». Любо-дорого посмотреть. Вступил в круг, избрал кадушку поусадистей, на невысокой лавке – над квашней надо нависать. Потребовал кусок коровьего масла, отер им ладони, будто намыливал, и приступил к делу.

Кадушка едва не затрещала. Девки захихикали. Николай Романович цыкнул. Мол, сопливы еще хозяев-то судить. И, правда, тесто под его руками не рвалось и не пласталось. А поворачивалось белыми, лоснящимися боками, точно подставляясь под родные ладони, знавшие силу и меру.

Тетки смотрели на работу, понимая кивали и отпустили предводителя с большим уважением. Если бы простосердечные бабы умели хлопать, Николаю Романовичу устроили бы овацию. Было чему позавидовать: двадцать лет Марья Капустянская за каменной стеной!

Пошли ловить нового страдальца. У конюшни ошивался Серж, и сманить его «на девичник» было нетрудно. Он теста отродясь не месил. Но подступил с прибаутками. С требованием советов, с ухмылками. И ему за блестящие зубы, за непослушные кудри и за ласковые телячьи глаза все простили. Обступили стеной, звенели монистами, норовили поймать взгляд и уже тешились горячечными наплывами мечтаний. Экий веселый барин! Хорошо бы с ним, да от него!

Кто-то покрутил на горке и привел Меллера с неизменной Катериной, которая согласилась лепить пироги, только бы милый стоял рядом и подавал изюм в ложке. Их не судили – что тут взять? Жених и невеста тили-тили тесто. Об этом и дразнилка. Зато барон вызвал у девок восторг размером рук. Раньше мадемуазель Шидловской завидовали кузины. Теперь еще и дворовые бабы! У Сержа, который топтался тут в окружении поклонниц, ладони не отличались ни величиной, ни захватом. Только Шурка знал, как крепко они держат саблю. А вот Меллер загребал квашню, как будто плыл саженьками. Вымазался, конечно, и, ко всеобщему соблазну, давал Катерине слизывать сырое тесто, повисшее обрывками на его ручищах.

Притащили и Романа Романовича, который весьма неодобрительно уставился на племянницу. Но, заметив во главе бабьей армии Елизавету Андреевну, сменил гнев на милость. Кажется, он был готов простить девкам глумление над собой, почтенным человеком, только бы остаться на часок в обществе красавицы вдовы. Она весьма холодно приняла его приход. Но позволила выбрать ушат. Не зная, как и примериться, и поминутно повторяя: «Сейчас мы его», – господин Шидловский приступил к делу.

Бабы, сеявшие в углу муку для новой партии, застыли. Даже мальчонка, случившийся тут же с ведром яичной скорлупы, которую следовало вынести, да размолоть курам, замер у двери. Всем любопытно было, как первый богач губернии справится с квашней. Но более всех – Елизавете Андреевне. Она отступила к окну, завешанному для тепла цветным платком, отчего свет в поварне стал красноватым, а лица румянились больше обычного.

Госпожа Бибикова смотрела на жениха настороженно и чуть враждебно. К ней подбежала Катя. Встала впереди, прижавшись спиной к ногам матери, точно закрывала собой.

Шидловский приналег на тесто, но оно упруго ответило ему «ударом на удар».

– Круто, круто, – в испуге закричали вокруг. – Мяхше, возьми, барин.

Роман с досадой закусил губы: будут его учить! И пошел дубасить белую сдобу кулаками. Она ухала, чвакала, стонала. Только что не покрывалась синяками.

– Ну? Довольно? – поинтересовался взмокший Роман Романович, вынимая из квашни сухие руки.

На него замахали. Мол, иди, иди! Лучше не возвращайся!

– Экое крутое! – поразились барская барыня Ермолавна. – До смерти забил.

– Твоя правда, – Елизавета Андреевна отлепилась от окна. – Хотя на двор вылей. – Она наклонилась к дочери и пошептала ей на ухо. Катю в доме звали Би-би, потому что в год она так пыталась выговорить свою фамилию. Самой госпоже Бибиковой было не с руки ловить Шурку. Нагоняла, теперь жалела. А пуще того – хотелось увидеть, как он станет крушиться и не походить на себя вокруг кадушки.

Би-би метнулась в сени, оттуда через двор пролетела без шапки к господскому дому. Нырнула внутрь. Простучала пятками по лестнице. И обрела Бенкендорфа в гостиной у печки.

– Мама вас зовет.

– Да-а? – Генерал не был готов так сразу всех простить.

– Пойдемте, – Катя примирительно потянула его за руку. – Вы будете друг на друга дуться. А тесто сбежит.

Где он, где тесто? Но, не желая расстраивать старшую мадемуазель Бибикову, Шурка поплелся с ней.

Его поразило столпотворение в поварне. Надо же, сколько мужиков понагнали! Поют, приплясывают, гогочут – делу время.

– Нам надо подмешать, – наставительно сказала Катя. – Выбирайте кадушку.

Мог он ударить в грязь лицом?

Сердито глянул на Елизавету Андреевну. Слова не сказал. Скинул форменный сюртук. Закатал рукава. Примерился к новой квашне.

Поманил девку с крынкой растительного масла. Знаком приказал полить. Такое богатство! Подсолнухи не на каждом шляхе растут! Из них масло жать – все равно, что лен тереть. Большое терпение!

Дворовая подняла вопросительный взгляд, но барыня согласно кивнула: раз хочет...

Тонкая желтая струйка полилась в подставленные ладони, и Шурка, умыв ею руки, приступил к тесту. Припозднились! Оно уже пёрло за края, лопалось и не на шутку готовилось к побегу. Глотало воздух, пузырилось, своевольничало.

На попытку завернуть квашню обратно та тяжело и грозно задышала, пахнула потным боком, но не уступила. И тогда генерал ласково, с добродушной укоризной огладил рукой ее белый вздыбленный живот: тихо, тихо! Будет!

И пошел месить – Николаю Шидловскому на зависть. Хотя делал это впервые в жизни. Не то чтобы умело – не по-бабы. Но выбить из теста дурь – нужны мужские руки. Вот почему от начала времен на «подмес» хозяйки зовут мужей. Горе, если не случится рядом даже проезжий молодец. Быть пирогам каменными.

* * *

Тем временем Наталья Ивановна Куракина в сопровождении слуг совершала ежедневный моцион, полезительный для здоровья пожилой дамы. На этот раз княгиню занесло к гос-

подским оранжереям. Здесь разводили зимой дыни и арбузы. Под Петербургом у нее самой цвела в январе земляника и плодоносили ананасы. В Водолагах до столичных изысков дело не доходило: что сажали на бахчах летом, то и прятали от снега под стеклом.

Добрая старушка от души хотела помочь своему Вальмону. Она уже пару дней неприятно расспрашивала то истопника, то прачку и готова была кое-чем поделиться с генералом. Но тот совершенно игнорировал все, кроме прекрасной вдовы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.